

18+

The Dare
ВЫЗОВ

Ты оттолкнул меня и сделал это с легкостью. *Тейлор*
Ей нужен тот, кто сможет в нее поверить. *Конор*

ЭЛЬ КЕННЕДИ

Эль Кеннеди

ВЫЗОВ

Серия «Love&Game»

Серия «Университет Брайар», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66272906

Э. Кеннеди. Вызов: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2021

ISBN 978-5-17-135220-2

Аннотация

В колледже я планировала превратиться из гадкого утенка в прекрасного лебедя. Вместо этого я оказалась окружена злобными девчонками из студенческого общества. Я и так не очень вписываюсь в местную тусовку, поэтому не могу отказать им, когда они бросают мне очередной вызов.

На этот раз мне нужно соблазнить хоккеиста. Мне, Тейлор Марш.

Коннор Эдвардс – завсегдатай вечеринок, и каждую из них он покидает с горячей цыпочкой. Этот парень из тех, на которых западаешь прежде чем понимаешь, что они тебя в упор не видят. Но мистеру Популярность удалось меня удивить – вместо того, чтобы посмеяться мне в лицо, он решает сыграть в мою игру и поднимается со мной в спальню.

Но мало того – он хочет продолжить притворяться, что мы вместе. Оказывается, Конор любит вызовы так же, как их ненавижу я.

Устоять перед его чарами практически невозможно. И чем больше времени мы проводим вместе, тем больше я понимаю, как будет больно, когда он уйдет.

Содержание

1. Тейлор	6
2. Конон	20
3. Тейлор	35
4. Тейлор	51
5. Конон	58
6. Тейлор	73
7. Тейлор	89
8. Тейлор	102
9. Конон	111
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Эль Кеннеди

ВЫЗОВ

Elle Kennedy
The Dare

© 2020. THE DARE by Elle Kennedy «the moral rights of the author have been asserted»

© Анна Григорьева, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

1. Тейлор

Сейчас вечер пятницы, и я смотрю, как величайшие умы моего поколения уничтожают себя желейнными шотами и синим пойлом, которое подают из сорокалитровых ведер из-под краски. Извиваются покрытые каплями пота тела – полуголые, лихорадочные, загипнотизированные невидимыми волнами электронного возбуждения. Этот дом кишит психованными студентами, вымещающими свою обиду на родителей, на ничего не подозревающих будущих магистрах бизнес-администрирования. Студентами-политологами, подготавливающими почву для чеков за шантаж, которые они будут выписывать через десять лет.

Типичная вечеринка на Грик-Роу ¹.

– Ты когда-нибудь замечала, что танцевальная музыка немного похожа на стоны трахающихся пьяниц? – спрашивает Саша Леннокс. Она стоит рядом со мной в углу, где мы втиснулись между часами с маятником и торшером, чтобы как можно лучше слиться с мебелью.

Она права.

Это первые выходные после весенних каникул, а значит, время для ежегодной вечеринки «Весеннее похмелье» в особняке нашего сестринства Каппа Хи. Одно из многих со-

¹ Сектор университетского кампуса, где находятся особняки студенческих обществ.

бытий, которые мы с Сашей называем принудительным весельем. Как члены Каппы мы должны их посещать, даже если наше присутствие скорее декоративное, чем функциональное.

– Никто бы не обиделся, если бы тут была хотя бы мелодия. А это... – Саша морщится от воя сирен, ревущих из динамиков вокруг, после которого начинает греметь очередной сокрушительный бас. – Такую хрень ЦРУ и использовало на накаченных наркотиками подопытных в проекте «МК-Ультра»².

Я издаю приглушенный смешок, чуть не давясь стаканом пунша, приготовленного по какому-то рецепту с Ютуба, который я держу вот уже час. У Саши, обучающейся на факультете музыки, почти религиозная неприязнь ко всему, что не исполняется вживую. Она бы предпочла быть в первом ряду на концерте в какой-нибудь забегаловке и слушать звенящую в ушах реверберацию гитары «Гибсон Лес Пол», чем валяться без чувств под сверкающим технокалейдоскопом танцклуба.

Не поймите меня неправильно. Мы с Сашей совсем не против веселья. Мы тусуемся в барах на кампусе, поем караоке в городе (ну, она поет, а я подбадриваю ее в безопасной тени). Черт, мы даже один раз, трезвые как стеклышко, по-

² Секретная программа американского ЦРУ, в которой изучались средства манипулирования сознанием с помощью людей, которые не знали, что на них проводится эксперимент.

терялись в Бостонском центральном парке в три часа ночи. Было так темно, что Саша случайно упала в пруд, и ее чуть не совратил лебедь. Поверьте мне, мы знаем, как тусить.

Но студентики, ритуально опаивающие друг друга психотропными веществами, пока не начнут путать опьянение с влечением и заторможенность с чертой характера, – не самое наше любимое веселье.

– Осторожно. – Саша подталкивает меня локтем при звуке криков и свистков из фойе. – Кажется, быть беде.

Стена беззастенчивой мужественности прорывается через входную дверь под хор из «*Брайар! Брайар!*».

Как Уилдлинги, штурмующие Черный замок, голиафы хоккейной команды Университета Брайра шагают по дому с мускулистыми плечами и широкой грудью, возвышаясь над остальными.

– Да здравствуют герои-победители, – саркастично говорю я, и Саша прикрывает рукой ехидную ухмылку.

Хоккейная команда выиграла сегодня матч, благодаря чему прошла в первый этап национального чемпионата. Я знаю об этом, потому что наша сестра по Каппе Линли встречается с запасником, поэтому она снэпчаттила на матче, а не чистила туалеты, пылесосила и готовила напитки к вечеринке тут с нами. Привилегии отношений с королевской особой. Хотя запасник – это не принц Гарри, а, скорее, подсевший на кокаин сынишка его придворного.

Саша вытаскивает телефон из-под резинки своих обтяги-

вающих леггинсов из искусственной кожи и смотрит на время.

Я гляжу на экран и стону. О боже, только одиннадцать вечера? Я уже чувствую, как надвигается мигрень.

– Нет, это хорошо, – говорит она. – Ровно двадцать минут, и эти головорезы опустошат бочку пива. Потом они обчистят то, что осталось от ликера. Я бы сказала, что на этом моя смена закончится. Максимум полчаса.

Шарлотта Кэгни, председательница нашего сестринства, не уточняла, как долго мы должны оставаться, чтобы нам зачли обязательное присутствие. Обычно, как только выпивка заканчивается, все идут искать, где бы продолжить вечеринку, и в этот момент легко выскользнуть незамеченной. Если повезет, к полуночи я вернусь в свою квартиру в Гастингсе и уже буду в пижаме. А Саша наверняка поедет в Бостон и найдет какой-нибудь концерт с живой музыкой.

Мы с ней – отверженные сестры Каппы Хи. Мы обе вступили в ряды сестринства по собственным плохо продуманным причинам. Для Саши это семья. Ее мать, и мать ее матери, и мать матери ее матери, и так далее – все были Каппами, поэтому то, что в академическую карьеру Саши будет входить продолжение этого великого дела, даже не обсуждалось. Либо это, либо прощание с такой «легкомысленной и эгоистичной» специальностью, как музыка. Она выросла в семье врачей, поэтому ее решения и так встречают сильное сопротивление.

А в моем случае... ну, наверное, я планировала «расцвести» в колледже. От лузера в старшей школе до души компании тут. Перевоплощение. Полное преобразование жизни. Но дело в том, что вступление в клубы, ношение их символов и несколько недель священной пропаганды, которые мне пришлось вытерпеть, не возымели должного эффекта. Я не появилась на другой стороне, вся сверкающая и новая. Как будто все пили газировку и видели красивые цвета, а я стояла в темноте со стаканом воды и красным пищевым красителем.

– Привет! – здороваются с нами парень с затуманенными глазами. Он, шатаясь, идет к Саше и при этом разговаривает почему-то с моими сиськами. Из нас обычно получается очень привлекательная женщина, когда мы стоим бок о бок. Ее изящное симметричное лицо и стройная фигура и мои огромные буфера. – Хотите выпить?

– У нас есть! – перекрикивает Саша гремящую музыку.

Мы обе держим почти полные стаканы. Стратегический инструмент, чтобы не подпускать озабоченных парней из братства слишком близко.

– Хотите потанцевать? – спрашивает он, наклоняясь к моей груди так, словно говорит в микрофон, заказывая фаст-фуд из машины.

– Прости, – парирую я, – они не танцуют.

Я не знаю, слышит ли он меня и понимает ли мое пренебрежение, но он кивает и уходит.

– У твоих сисек есть гравитационная сила, которая притягивает только придурков, – говорит Саша, хмыкая.

– Ты даже не представляешь, насколько это правда.

Однажды я проснулась, и на моей груди как будто выросли две огромные опухоли. Со средней школы я вынуждена ходить с этими штуками, которые появляются везде на десять минут раньше меня самой. Не знаю точно, кто из нас представляет друг для друга большую угрозу, я или Саша. Мои сиськи или ее лицо. Она вызывает переполох, просто входя в библиотеку. Парни наперегонки встают в ее присутствии и забывают собственные имена.

В особняке раздается громкий хлопок, от которого народ ежится и прикрывает уши. Все в замешательстве молчат, пока наши барабанные перепонки тонут в затяжном эхе звона в ушах.

– Динамик взорвался! – орет одна из наших сестер из соседней комнаты. Дом заполняют крики «бу-у».

За этим следует безумная паника, и Каппы начинают суматошно искать способ спасти вечеринку, пока наши неутолимые гости не взбунтовались. Саша даже не пытается скрыть свою радость. Она смотрит на меня взглядом, говорящим, что мы, наверное, все-таки сможем сбежать с вечеринки пораньше.

А потом появляется Абигейл Хоббс.

Мы видим, как она плавно проходит через густую толпу в откровенном маленьком черном платье и с завитыми в иде-

альные кудри платиновыми волосами. Она хлопает в ладоши и голосом, который мог бы разрезать стекло, требует, чтобы все внимание сосредоточилось на ее ярко-красных губах.

– Слушайте все! Пора поиграть в «Вызов или вызов».

В ответ на это слышатся радостные возгласы, и гостиная еще больше заполняется людьми. Эта игра – популярная традиция Каппы, и правила полностью соответствуют названию. Кто-то бросает тебе вызов, и ты его выполняешь – правду выбрать нельзя. Иногда смешная и часто жесткая, эта игра привела к немалому количеству арестов, как минимум одному исключению и, по слухам, даже к парочке детей.

– Давайте посмотрим... – Вице-председательница нашего дома прикладывает к подбородку наманикюренный палец и медленно поворачивается по кругу, оглядывая комнату и выбирая себе первую жертву. – Кто же это будет?

Конечно, взгляд ее дьявольских зеленых глаз останавливается прямо там, где, прижавшись к стене, стоим мы с Сашей. Абигейл марширует к нам со слащавой улыбкой, из девушки так и сочится ехидство.

– Ой, милая, – говорит она мне со стеклянным взглядом девушки, перебравшей с выпивкой. – Расслабься, это вечеринка. Ты выглядишь так, словно только что нашла на коже очередную растяжку.

Пьяной Абигейл становится злобной, а я – ее любимая мишень. Я привыкла к такому, но смех, который она вызывает, когда в очередной раз шутит над моим телом, больно меня

ранит. Мои формы отравляют мне существование с двенадцати лет.

– Ой, милая, – подражает ей Саша, демонстративно показывая средний палец. – А не сходить ли тебе на три буквы?

– О-о, да ладно тебе, – хнычет Абигейл издевательским детским голосом. – Тей-Тей знает, что я просто шучу. – Она красноречиво тыкает меня в живот, словно я чертов пончик.

– Мы не забываем о твоей редеющей линии роста волос, Абс.

Мне приходится закусить нижнюю губу, чтобы не рассмеяться от реплики Саши. Она знает, что я во время ссор совершенно теряюсь, и никогда не упускает шанс обменяться колкостями в мою защиту.

Абигейл отвечает саркастичным смехом.

– Мы играем или нет? – нетерпеливо спрашивает Джулс Манн, подпевала Абигейл. Высокая брюнетка подходит к нам, изобразив скучающий вид. – В чем дело? Саша опять пытается отвертеться от вызова, как на вечеринке в честь сбора урожая?

– Иди к черту, – парирует Саша. – Вы велели мне кинуть кирпич в окно декана. Не хватало еще, чтобы меня из колледжа выперли из-за ваших детских игрish.

Джулс вскидывает бровь.

– Она что, только что оскорбила старинную традицию, Абс? По-моему, так и есть.

– Да, оскорбила. Но не надо переживать, это твой шанс на

искупление, Саша, – сладко говорит Абигейл и замолкает. – Хм-м. Твой вызов... – Она поворачивается к своим зрителям, обдумывая задание. Она делает это только ради всеобщего внимания. Она снова смотрит на Сашу. – Сделай Дабл-Дабл, а потом спой нашу симфонию.

Моя лучшая подруга фыркает и пожимает плечами, словно говоря: «И все?»

– Вверх ногами и наоборот, – добавляет Абигейл.

Саша изгибает губы и почти оскаливается на нее, отчего парни рядом весело улюлюкают. Мужики любят женские драки.

– Пофиг. – Закатывая глаза, Саша выступает вперед и трясет руками, как боксер, разминающийся перед боем.

Дабл-Дабл – это еще одна традиция вечеринок Каппы: надо выпить два двойных шота того, что осталось, а потом за десять секунд опустошить пивной бонг и еще десять секунд пить, стоя вверх ногами. Даже самые крепкие из выпивох редко справлялись с заданием. Добавив ко всему этому стойку на руках с одновременным исполнением песни нашего отделения наоборот, Абигейл просто повела себя как злобная тварь.

Но если из-за вызова Сашу не исключат, то она никогда не будет от него отлынивать. Она собирает свои густые черные волосы в конский хвост, берет рюмку, появившуюся из ниоткуда, и послушно закидывает в себя один шот, а потом второй. Она разделяется с пивным бонгом, пока двое пар-

ней из Теты держат для нее воронку, а толпа вокруг ободряюще орет. Под какофонию криков она управляется со стойкой вверх ногами, пока ее поддерживает хоккеист ростом под метр девяносто. Когда она опять оказывается ногами на полу, все впечатлены тем, что она вообще способна стоять, не говоря уже о том, чтобы выглядеть решительной и не качаться. Эта девушка – воин.

– Все в сторону! – объявляет Саша, отгоняя людей от дальней стены.

Гимнастическим движением она выбрасывает руки в воздух и делает как бы полукувырок, так что ее зад прижимается к стене в стойке на руках. Громко и уверенно она горланит слова нашей песни в обратном порядке, пока мы тупо пытаемся мысленно за ней успевать и следить, чтобы она ничего не напутала.

Закончив, Саша элегантно встает на ноги и кланяется толпе под оглушительные аплодисменты.

– Ты гребаный робот, – говорю я, смеясь, когда она подсакивает ко мне, возвращаясь в наш уголок лузеров. – Элегантное приземление.

– Никогда не встречала приземление, с которым я не смогла бы справиться. – Саша на первом курсе собиралась участвовать в отборе на Олимпийские игры как один из лучших прыгунов в мире, но сломала колено, поскользнувшись на льду, и на этом ее карьера гимнастки закончилась.

Не желая, чтобы ее затмевали, Абигейл смотрит на меня.

– Твоя очередь, Тейлор.

Я делаю глубокий вдох. У меня колотится сердце. Я уже чувствую, как горят щеки. Абигейл улыбается, как акула, уловившая дрожь перепуганного тюленя. Я готовлюсь к дьявольскому заданию, которое она для меня придумывает.

– Твой вызов... – Она задумчиво закусывает губу. Я вижу превосходство в ее глазах еще до того, как она открывает рот. – Заставить парня, которого я выберу, отвести тебя вверх.

Тварь.

Слышится похотливое улюлюканье парней, все еще следящих за тем, как разворачивается женское противостояние.

– Брось, Абс. Изнасилование – это не веселая игра. – Саша выступает вперед, заслоняя меня своим телом.

Абигейл закатывает глаза.

– Ой, перестань драматизировать. Я выберу достойную партию. Того, с кем любая захочет попотеть. Даже Тейлор.

Господи, пожалуйста, не заставляй меня это делать.

К моему полнейшему облегчению, помощь приходит от Тейлор Свифт.

– Починили! – кричит девушка из сестринства ровно в тот момент, как музыка снова заполняет дом.

Blank Space Тейлор Свифт вызывает волну взволнованных возгласов, отвлекая все внимание от глупой игры Абигейл. Толпа тут же рассеивается, чтобы заново наполнить свои стаканы и вернуться к ритмичной прелюдии танца.

Спасибо, более горячая и стройная Тейлор.

Но, к моему ужасу, Абигейл непоколебима.

– Хм-м, кто же будет этим счастливымчиком?..

Я подавляю стон. Было наивно думать, что она оставит эту затею. Как только вызов назван, та сестра, которая не выполняет задание, беспощадно наказывается, пока какой-то бедолаге не повезет занять ее место. А если Абигейл на это нацелилась, то это будет длиться вечно если не дольше. Мне и так сложно найти общий язык с остальными сестрами. А после такого я и вовсе стану изгоем.

Она осматривает комнату, стоя на носках, чтобы видеть все доступные варианты. Широкая ухмылка появляется на ее лице, когда она поворачивается обратно ко мне.

– Твой вызов – соблазнить Конора Эдвардса.

Твою ж мать.

Твою ж гребаную мать.

Да, я знаю, кто такой Конон. Все знают. Он из хоккейной команды и завсегдатай вечеринок на Грик-Роу. И завсегдатай кроватей на Грик-Роу. Но больше всего он знаменит тем, что он, наверное, самый горячий парень на третьем курсе. Что делает его птицей совсем не моего полета. Идеальный выбор, если цель этого вызова – мое полное унижение из-за того, что парень прилюдно мне откажет, смеясь при этом мне в лицо.

– Рейчел все еще в Дейтоне, – добавляет Абигейл. – Можете воспользоваться ее спальней.

– Абигейл, пожалуйста, – говорю я, умоляющим тоном. Но моя мольба только подстегивает ее.

– Что такое, Тей-Тей? Не припомню, чтобы у тебя были проблемы с тем, чтобы целоваться ради вызова. Или ты мутишь только с парнями, у которых есть девушка?

Потому что с Абигейл к этому все и сводится: к мести и ошибке, за которую она заставляет меня платить каждый божий день, начиная со второго курса. Сколько бы я ни извинялась и как искренне бы ни сожалела о том, что ее обидела, вся моя жизнь – это ублажение Абигейл моими страданиями.

– Тебе надо сходить к врачу, у тебя слишком сильно развился синдром твари, – парирует Саша.

– Бедная Тейлор, такая ханжа. Отвернешься, и она украдет у тебя мужика, – поет Абигейл. Ее издевательство становится хором, когда ей начинает подпевать Джулс.

От их насмешек у меня режет в глазах и немеют пальцы. Я хочу провалиться сквозь землю. Слиться со стеной. Загореться пламенем и раствориться пеплом в алкоголе. Все что угодно, только не я, здесь, сейчас. Я *ненавижу* лишнее внимание, а их издевательства привлекли взгляды нескольких пьяных лиц рядом. Еще несколько секунд, и весь особняк начнет декларировать строки о том, какая я ханжа, как в ужасной сцене из моего худшего кошмара.

– Ладно! – выпаливаю я. Лишь бы это прекратилось. Все что угодно, лишь бы их заткнуть. – Плевать. Я выполню вызов.

Абигейл победно улыбается. У нее почти текут слюнки.

– Тогда иди за своим мужиком, – говорит она, грациозным движением указывая назад.

Я закусываю губу и повинуюсь этой тонкой руке, а вскоре замечаю Конора у стола для пиво-понга ³ в столовой.

Мать твою, он высокий. И у него невероятно широкие плечи. Мне не видно его глаз, но я ясно различаю его точечный профиль и длинные светлые волосы, зачесанные назад. Таких красавцев впору запрещать на законодательном уровне.

Соберись и будь умницей, Тейлор.

Глубоко вдохнув, я беру себя в руки и иду к ничего не подозревающему Конору Эдвардсу.

³ Игра, в которой надо попасть шариком для пинг-понга в стакан с пивом, стоящий на другом конце этого стола.

2. Конор

У парней сегодня сорвало крышу. Мы пришли на эту вечеринку в сестринстве всего двадцать минут назад, а Гэвин и Алек уже разодрали на себе рубашки и теперь расхаживают вокруг стола для пиво-понга, как пара варваров. Но, должен признать, после того, как мы выиграли матч в плей-оффе ⁴, я и сам чувствую себя первобытным. Еще две победы, и мы в Замороженной Четверке ⁵. Хоть никто и не скажет это вслух из боязни сглазить, но я чувствую, что это наш год.

– Кон, двигай сюда, засранец, – зовет меня Хантер с другого конца комнаты, где они с парнями выстроили ряды рюмок. – Возьми этих двоих олухов с собой.

Мы собираемся вместе с нашими товарищами по команде, краснолицыми и накачанными адреналином. Каждый из нас поднимает рюмку, пока наш капитан, Хантер Дэвенпорт, произносит речь. Ему даже не приходится кричать, потому что минут десять назад музыка заглохла. Я то и дело вижу паникующих девушек из сестринства, снующих вокруг динамиков в гостиной.

Хантер обводит всех взглядом.

– Хочу сказать, что чертовски горжусь. В этом сезоне на-

⁴ Серия игр на выбывание, в которой участник выбывает после первого проигрыша.

⁵ Финал национального чемпионата.

ша команда показала небывалое упорство. Мы поддерживали друг друга, и каждый выложился на максимум. Еще два матча, парни. Еще два, и мы на охоте. Поэтому повеселитесь сегодня. Давайте оторвемся по полной. А потом вернемся для решающего рывка.

Я до сих пор не могу до конца поверить в реальность происходящего. В то, что моя бунтарская задница попала в школу Лиги плюща, к благовоспитанным сыновьям и дочерям аристократов и отцов-основателей. Даже когда я иду с моими пацанами, самыми близкими и родными мне людьми, не считая мамы, я нет-нет да и оглядываюсь через плечо. Как будто во мне вот-вот раскусят самозванца.

После крика «хоккей Брайара!» мы закидываемся шотами. Баки сглатывает и издает гортанный боевой клич, от которого все пугаются, а потом заливаются смехом.

– Полегче, громила. На арене оторвешься, – говорю я ему.

Баки пофиг. Даром что хорошенечко поднабрался. Баки юн, туп, а сегодня еще и полон сомнительных планов. Он очень осчастливит какую-нибудь юную леди, я уверен.

К слову о леди, они быстро окружают стол для пиво-понга, как только мы возобновляем игру. На этот раз Хантер и его девушка Деми играют против меня и Фостера. И девушка Хантера играет грязно. Она стянула с себя худи и осталась только в тонком белом топе поверх черного бюстгальтера, который она использует в качестве стратегического оружия для того, чтобы тыкать своими сиськами нам в лицо и

этим нас отвлекать. И это охрененно работает. Фостер до того ослеплен этим зрелищем, что промахивается мимо стола.

– Мать твою, Деми, – ворчу я, – убери их.

– Кого – их? – Она берется за грудь руками и поднимает ее к самой шее, при этом совсем неуверенно притворяясь невинной.

Шарик Хантера легко приземляется в одном из наших стаканов.

Деми мне подмигивает.

– Жаль, но мне не жаль.

– Если твоя девушка захочет снять свой топ, то я сразу же признаю поражение, – говорит Фостер, пытаясь разозлить Хантера.

И это удается ему слишком легко. Включив режим пещерного человека, Хантер стягивает с себя футболку и надевает ее на Деми, на которой она выглядит как мешковатое платье.

– Глаза на стаканы, кретин.

Я сдерживаю смех, решая не отмечать, что Деми Дэвис выглядела бы горячо даже в холщовом мешке. Было время, когда я был бы не против с ней замутить, но еще до того, как Хантер сам это понял, мы видели, что капитан нашей команды уже сходит по ней с ума. Просто эти двое не сразу все уловили.

У меня на сегодня пока что не особо прекрасные перспективы. Да, шикарные девушки. Брюнетка пытается забраться на меня и поцеловать в шею, когда я попадаю в один из ста-

канов Хантера и Деми. Но от этих телок так и веет голодом, и пока что ни одна меня не зацепила.

Сказать по правде, женщины уже начинают путаться у меня в голове. Я переспал много с кем с тех пор, как перевелся в Брайар прошлой осенью. Переворачивать мир женщины с ног на голову, заставляя ее чувствовать себя особенной – это мой навык. Но – меня засмеют, если я признаюсь в этом парням, – ни одна из телок, с которой я мучу, не займется тем, чтобы и у меня было чувство, что я особенный. Некоторые притворяются, что хотят узнать меня получше, но по большей части я для них желанный трофей, сверкающий приз, которым можно помахать перед завистливыми лицами подруг. В половине случаев они даже не пытаются завести разговор. Они просто засовывают язык мне в горло, а руки – мне в штаны.

Купи хотя бы мужчине цветы. Или, черт возьми, начни с хорошей шутки. Но, видимо, что есть, то есть.

К тому же я не то чтобы в поиске отношений. Я могу развлекать женщин ночь, неделю или даже месяц, но обе стороны полностью понимают, что я не долгосрочный вариант. И это нормально. Я быстро начинаю скучать, а отношения – это воплощение скуки.

Но сегодня мне так же наскучивает и парад телок, которые проходят мимо стола для пиво-понга, улыбаясь по-одинаковому застенчиво и не особо невинно касаясь моей руки своими сиськами. Да, ни одна из этих девушек меня не цепляет.

Я устал от этого старого брачного ритуала, который всегда заканчивается одинаково. Мне даже больше не надо самому за ними охотиться, хотя в этом чуть ли не все веселье.

В доме раздаются радостные крики, когда возобновляется музыка. Одна телка пытается этим воспользоваться, приглашая меня потанцевать, но я качаю головой и пытаюсь снова сосредоточиться на игре. Но это нелегко, потому что теперь какая-то суматоха на переднем газоне привлекла всеобщее внимание к эркеру. Отвлечшийся Фостер полностью проваливает свой бросок, и я уже готов его отчитать, когда вдруг замечаю краем глаза какое-то движение.

Я поворачиваюсь к гостиной и вижу напуганную, почти паникующую блондинку, несущуюся к нам. Словно кролик, который мчится в свою безопасную нору, заметив голодную лису. Сначала я думаю, что она бежит к окну, чтобы посмотреть, какого черта происходит на улице, но потом случается кое-что по-настоящему странное.

Оно подходит прямо ко мне, берет меня за руку и тянет вниз, чтобы достать до моего уха.

– Мне очень жаль, и ты наверняка подумаешь, что я совсем поехавшая, но мне нужна твоя помощь, поэтому, пожалуйста, подыграй, – бормочет она так быстро, что я с трудом улавливаю суть. – Мне надо, чтобы ты пошел со мной наверх и притворился, что мы хотим переспать, но ты не подумай, на самом деле я не хочу трогать твой член и всякое такое.

Или всякое такое?

– Это глупый вызов, и я буду твоей большой должницей, если ты окажешь мне эту услугу, – быстро шепчет она. – Обещаю, что никаких фокусов выкидывать не буду.

Должен признаться, я заинтригован.

– То есть, если я правильно тебя услышал, ты не хочешь со мной переспать? – шепчу я в ответ, не в силах скрыть свое удивление.

– Не хочу. Я хочу притвориться, что мы это сделаем.

Что ж. От скуки не осталось и следа.

Присмотревшись к ней, я отмечаю, что у нее милое лицо. Не такое сногшибательное, как у Деми, но симпатичное. А вот тело... Вау. Она словно пинап-модель. Под безразмерным свитером, спадающем с плеча, скрываются сиськи, в которые я бы хоть всю ночь напролет членом тыкался. Я гляжу украдкой на ее зад и невольно представляю, как заваливаю ее в постель.

Но все это испаряется, когда я вижу, как она смотрит на меня с мольбой этими своими бирюзовыми глазами, и мое сердце мгновенно тает. Я буду форменным козлиной, если повернусь спиной к девушке, которая отчаянно нуждается в спасении.

– Алек, – зову я, не отводя взгляда от пинап-девушки.

– Чего? – отвечает мой товарищ по команде.

– Замени меня. Надери за меня задницу капитану и его демонице.

– Так точно.

Я не упускаю понимающее хмыканье Хантера и Фостера и громкое фыркание Деми.

Блондинка бросает неуверенный взгляд за мое плечо на стол для пиво-понга, где мое место занял Алек.

– Это «да»? – тихо спрашивает она.

В ответ я заправляю несколько прядок ей за ухо и касаюсь губами ее кожи, чтобы ответить. Потому что тот, кто мучает эту бедняжку, сейчас точно за нами наблюдает, так что пусть он нажрется дерьма.

– Веди меня, малышка.

Ее глаза становятся огромными, и на мгновение мне кажется, что ее жесткий диск сдох. Такое в моем присутствии случается не впервые. Поэтому я беру ее за руку и, вызывая на нашем пути несколько шокированных вздохов, веду ее через лабиринт тел, петляя по дому. Просто я довольно хорошо ориентируюсь в этом здании.

Пока мы поднимаемся по лестнице, я чувствую, как за нами следят. Она немного сильнее сжимает мою руку, пока ее мозг перезагружается. На втором этаже она тянет меня в комнату, в которой я еще не был, и запирает за нами дверь.

– Спасибо, – выдыхает она, как только мы оказываемся одни.

– Без проблем. Не против, если я расположусь поудобнее?

– Эм, да. В смысле, нет. Не против. Садись, если хочешь.

Или... ого, ничего себе, ты лечь решил.

Я усмехаюсь от ее явной нервозности. Это мило. Пока

я растягиваю свою фигуру длиной метр девяносто посреди плюшевых животных и декоративных игрушек, она, точно перепуганный кролик, тяжело дышит и жметесь к двери.

– Буду с тобой откровенен, – говорю я ей, сцепляя ладони за головой. – Впервые вижу девушку, которая в ужасе от того, что мы с ней заперлись в спальне.

Это производит должный эффект: она расслабленно опускает плечи и даже смущенно улыбается.

– Не сомневаюсь.

– Я Конор, кстати.

Она закатывает глаза.

– Да, я знаю.

– К чему этот взгляд? – спрашиваю я, притворяясь обиженным.

– Нет, прости, я ничего такого не имела в виду. Просто я знаю, кто ты такой. Ты, ну, знаменит на кампусе.

Чем больше я смотрю на нее, стоящую у двери с вытянутыми по швам руками – нога согнута в колене – и на ее светлые, медового оттенка волосы, слегка растрепанные и лежащие на одном плече, тем отчетливее представляю, как держу ее руки над головой, пока изучаю ее тело своим ртом. Такую кожу так и хочется покрыть поцелуями.

– Тейлор Марш, – выпаливает она, и я ловлю себя на том, что не знаю, как долго мы молчали.

Я сдвигаюсь на дальнюю сторону кровати и кладу подушку рядом с собой как разделитель.

– Ну же. Если мы тут надолго, давай хотя бы подружмся.

Тейлор хихикает, и ее напряжение немного спадает. У нее милая улыбка. Яркая, теплая. Но чтобы она оказалась на кровати, нужно проявить настойчивость.

– Это не подкат, – говорит она мне, раскладывая плюшевых животных-охранников, чтобы они патрулировали стену из подушки между нами. – Я не какая-то шизанутая, которая затаскивает мужиков в постель и к ним пристает.

– Конечно. – Я киваю с притворной серьезностью. – Но немного поприставать можно.

– Нет. – Она качает головой со слишком большим оживлением, и мне кажется, что я вот-вот пробью ее защиту. – Никаких приставаний. Я буду паинькой.

– Тогда расскажи мне, зачем тому, кто является твоим другом, втягивать тебя в эту жуткую историю?

Тейлор тяжело вздыхает. Она берет плюшевую черепаху и прижимает ее к груди.

– Потому что Абигейл – та еще стерва. Терпеть ее не могу.

– Почему? Что у вас произошло?

Она с сомнением на меня смотрит, явно обдумывая, доверять ли мне.

– Клянусь тебе, – говорю я. – Бояться нечего.

Она закатывает глаза и игриво улыбается.

– Это было в прошлом году. На вечеринке типа этой. Моим вызовом было подойти к случайному парню и поцеловаться с ним.

Я хмыкаю.

– Вижу закономерность.

– Ну да, но тогда во мне было не больше энтузиазма, чем сейчас. Это их фишка. Сестер. Они знают, что у меня бзик по поводу подкатов к парням, поэтому с радостью тычут в мои комплексы. По крайней мере, самые стервозные из них.

– Девушки охренеть какие жестокие.

– Ты даже не представляешь насколько.

Я сдвигаюсь на кровати, чтобы полностью повернуться к ней.

– Ладно, продолжай. Тебе надо поцеловаться с парнем.

– Да, дело в том, что... – Она играет с маленьким пластиковым глазом черепахи, крутя его между пальцами. – Я подошла к первому попавшемуся парню потрезвее, чтобы он на меня не блеванул или еще что похуже. Обхватила его лицо и... ну, сам понимаешь, закрыла глаза и занялась делом.

– Как это обычно и происходит.

– Когда я отстранилась, рядом была Абигейл. Она выглядела так, словно я обрезала ей волосы, пока она спала. Прямо сверлила меня злобным взглядом. Как оказалось, парень, на которого я накинулась, встречался с ней.

– Черт, Ти. Вот это дерьмо.

Она моргает своими несчастными, бирюзовыми глазами, горестно надув губки. Пока я наблюдал, как она говорит, я успел влюбиться в ее родинку на правой щеке – как у Мэрилин Монро.

– Я не знала! Абигейл меняет парней, как коробки с овсяными хлопьями. Я не следила за ее личной жизнью.

– То есть она плохо это восприняла, – говорю я.

– Это был апокалипсис. Она закатила страшный скандал на вечеринке. Не говорила со мной неделями, а потом только и делала что сыпала колкостями и оскорблениями. С тех пор мы почти что заклятые враги, и она не упускает возможности меня унижить. Отсюда и сегодняшнее непристойное предложение. Она рассчитывала на то, что ты зрелищно мне откажешь.

Черт. Мне жаль эту девушку. Парни – козлы, и даже в команде мы строим друг дружке козни, но это все забавы ради. А эта телка Абигейл – это что-то с чем-то. Заставлять Тейлор подкатить к незнакомому парню в надежде, что она получит грубый отказ и опозорится перед всей толпой... Хуже не придумаешь.

У меня внутри начинает пульсировать иррациональное желание встать на ее защиту. Я не так хорошо ее знаю, но Тейлор не кажется мне девушкой, которая так безжалостно предала бы подругу.

– Хуже всего то, что до этого мы даже дружили. Она была моей ближайшей союзницей во время недели вступления в сестринство на первом курсе. Я раз десять хотела все бросить, но ее поддержка помогла не сдаться. Вот только после того как я съехала с кампуса, мы отдалились.

Голоса за дверью привлекают внимание Тейлор. Я пере-

вожу взгляд и нахмуриваюсь, когда замечаю проскальзывающие под дверь тени.

– Ох. Это она, – бормочет Тейлор. Я уже научился распознавать страх в ее голосе. Она бледнеет, и на шее начинает испуганно биться жилка. – Вот черт, они подслушивают.

Я подавляю желание послать этих шпионов куда подальше. Если я так сделаю, Абигейл и остальные поймут, что мы с Тейлор ничем таким не занимаемся, иначе мы были бы сосредоточены друг на друге, а не на двери в спальню. И все же назойливые мелкие засранки должны усвоить урок. И хоть я и не могу решить проблему Тейлор с этими девушками, эту ночь я могу ей посвятить.

– Надеюсь, они слушают внимательно, – говорю я с озорной улыбкой.

Я вскакиваю на колени и кладу обе ладони сверху на изголовье. Тейлор смотрит на меня с подозрением, но в ответ я опять ухмыляюсь и начинаю толкаться о кровать, а изголовье ударяется об стену.

Бум. Бум. Бум.

– Мать твою, детка, ты такая тугая, – стону я слишком громко.

Тейлор накрывает ладонью рот. Ее русые брови подскакивают на лбу.

– Так приятно!

Стена дрожит от каждого удара изголовья. Я прыгаю на коленях, от чего корпус кровати протестующе скрипит. Все

обязательные звуки хорошо проводимого времени.

– Что ты делаешь? – шепчет она в ужасе.

– Устраиваю представление. Не бросай меня одного, Ти. Они подумают, что я трахаю тут свою руку.

Она качает головой. Бедный напуганный кролик.

– А, мать твою, детка, не так быстро, а то я сейчас кончу!

Только я думаю, что слишком надавил на Тейлор, как она откидывает назад голову, закрывает глаза и издает самый сексуальный звук, который я только слышал от девушки, в которой не находился по самые яйца.

– Ах, вот так. Вот так! – кричит она. – О боже, еще чуть-чуть. Не останавливайся! Не останавливайся!

Я сбиваюсь с ритма от истеричного смеха. Мы вдвоем, красные, как свекла, бьемся в судорогах на кровати.

– Мммм, вот так, детка. Тебе приятно?

– Очень приятно, – стонет она в ответ. – Не останавливайся. Быстрее, Конор.

– Тебе нравится?

– Безумно нравится.

– Да?

– О да, сунь его мне в задницу! – молит она.

Я падаю и ударяюсь лбом о гребаное изголовье. Ошарашенный, я тарашусь на нее.

– Что? Чересчур? – спрашивает она с невинными широко раскрытыми глазами.

Чертовка. Она что-то с чем-то.

– Да, притормози немного, – хриплю я.

Но мы не можем перестать смеяться. Дышать становится тяжелее, и мы едва слышно издаем похотливые стоны. Прodelав все это, наверное, намного дольше, чем было нужно, мы наконец замолкаем. Все еще трясаясь от смеха, она зарывается головой в подушку, задрав задницу, и внезапно мне с трудом удается вспомнить, почему это все не случилось вправду.

– Ну как тебе? – спрашиваю я, растянувшись на спине. Мои волосы влажные от пота, и я убираю их с глаз, пока Тейлор устраивается рядом со мной.

Она смотрит на меня взглядом, которого я у нее еще не видел, – уставившись на меня из-под тяжелых век над красными губами, опухшими от укусов, пока она стонала. За этой маской целые морские сажени, завораживающая глубина, которую мне все больше хочется изучить. На мимолетное мгновение мне кажется, что она хочет, чтобы я ее поцеловал. Но она моргает, и момент упущен.

– Конор Эдвардс, ты порядочный парень.

Меня называли и хуже. Но это не значит, что я не замечаю, как восхитительно выглядит ее вырез, когда она поворачивается набок лицом ко мне.

– Это был лучший притворный секс в моей жизни, – торжественно говорю я.

Она хихикает.

Я обвожу взглядом ее зарумянившиеся щеки, ее без-

упречную сияющую кожу. И снова опускаюсь на ее потрясающий вырез. Я знаю, что она скажет, еще до того как произношу вопрос, но он все равно слетает с моих губ:

– Хочешь немного поразвлечься?

3. Тейлор

Он не серьезно. Я знаю, что не серьезно. Такое предложение после нашего маленького представления – это просто попытка Конора поднять мне настроение после фиговой ситуации. Еще одно доказательство, что под светлыми волосами длиной до подбородка, стальными серыми глазами и накачанным телом у него доброе сердце. Чем не еще одна причина убраться к черту отсюда, пока во мне не проснулись чувства к нему. Потому что Коно́р Эдвардс – из тех парней, в которых влюбляешься прежде, чем осознаешь, что таким как ты, с ними ничего не светит.

– Прости, но мы договорились: никаких приставаний, – твердо говорю я.

Его губы трогает ухмылка, от которой у меня екает сердце.

– Попробовать все же стоило.

– Слушай, мы с тобой славно провели время, – говорю я ему, слезая с кровати, – но мне надо...

– Стой. – Коно́р берет меня за руку. По руке тут же бегут мурашки, а в затылке так и щекочет от волнения. – Ты сказала, что ты моя должница, так?

– Да, – осторожно говорю я.

– Что ж, я требую возврата долга. Мы пробыли тут всего пять минут. Нельзя, чтобы внизу все подумали, будто я не знаю, как развлечь даму. – Он поднимает бровь. – Останься

ненадолго. Спаси мою репутацию.

– Для защиты твоего эго я тебе не нужна. Не переживай, они подумают, что я тебе наскучила.

– Мне легко наскучить, – соглашается он, – но тебе повезло, Ти. Скука – это последнее, что я сейчас чувствую. Я сто лет не разговаривал с таким интересным человеком.

– Видимо, ты нечасто с людьми общаешься, – выдавливаю я.

– Ну же, – уговаривает он, – не вынуждай меня спускаться. Там все слишком голодные. Все телки ведут себя так, словно я последний стейк на мясном рынке.

– Женщины требуют твоего внимания? Бедняга. – И хоть я и стараюсь не думать о нем как о куске мяса, я не могу отрицать, что он великолепный экземпляр. Без сомнений, самый красивый парень, которого я только встречала. Не говоря уже о том, что он самый сексуальный. Он все еще сжимает мою ладонь. На его рельефной, сильной руке соблазнительно проступают мышцы. – Ну же, останься и поговори со мной.

– А как же твои друзья? – напоминаю я ему.

– Я вижу их каждый день на тренировке. – Большим пальцем он нежно вырисовывает круг на моем запястье, и я понимаю, что это конец. – Тейлор. Пожалуйста, останься.

Это ужасная идея. Именно этот момент я и буду вспоминать через год, после того как сменю имя, покрашу волосы и начну отзывать на «Ольга» в кафе в Скенектади. Но его молящие глаза, его нежные касания – они меня не отпуска-

ют.

– Ладно. – У меня не было никаких шансов против Конора Эдвардса. – Но чур только разговор и ничего больше.

Мы снова устраиваемся на кровати, разделенные плюшевой стеной, повалившейся от прыжков и ерзаний. Спрятаться от очарования Конора негде. Он берет плюшевую черепаху, отскочившую в конец кровати, и кладет ее на тумбочку. Я вдруг осознаю, что, кажется, никогда здесь не была. Комната Рейчел – это... что-то с чем-то. Как будто VSCO-девушку и мамашу-блогера стошнило на диснеевскую принцессу.

– Помоги мне узнать тебя получше. – Конор скрещивает свои сексуальные руки на груди. – Это же не твоя комната, да?

– Нет, сначала ты, – настаиваю я. Если я собираюсь ему потакать, то должна получить что-то в ответ. – Мне кажется, в нашем разговоре я и так все одеяло на себя перетянула. Помоги мне узнать *тебя* получше.

– Что ты хочешь знать?

– Все что угодно. Все. – *Как ты выглядишь голым...* Но нет, мне нельзя это спрашивать. Может, я и лежу в кровати с самым горячим парнем на кампусе, но мы по-прежнему одеты. Особенно я.

– Эм, ну... – Скинув с себя ботинки, он сталкивает их с кровати. Я хочу сказать ему, что мы не так долго тут будем оставаться, но он продолжает: – Я играю в хоккей, но, наверное, ты это уже поняла.

Я киваю в ответ.

– Я перевелся сюда из Лос-Анджелеса в прошлом семестре.

– А, ясно. Это многое объясняет.

– Неужели? – Он притворяется обиженным.

– В хорошем смысле. Ты же красавчик, точно с обложки Playboy! Но это тебе идет.

– Буду считать это комплиментом, – говорит он и тычет меня в ребра локтем.

Я стараюсь не обращать внимания на возбужденную дрожь в груди. Слишком уж соблазнительны его заигрывания.

– Как парня с западного побережья занесло в хоккей?

– На западном побережье играют в хоккей, – сухо говорит он. – Не только на восточном. В средней школе я играл еще и в футбол, но хоккей был интереснее и давался мне лучше.

– И из-за чего ты захотел переехать на восток? – Зимы в Новой Англии на любителя. На первом курсе у нас была сестра, которая выдержала всего шесть дней среди снегов по колено и улетела обратно в Тампу. Нам пришлось отправлять ее вещи по почте.

Лицо Конора мрачнеет. На мгновение взгляд его серых глаз становится невидящим. Если бы я знала его лучше, то подумала, что задела за живое. Когда он отвечает, в его голосе нет былой игривости.

– Мне просто нужно было сменить обстановку. Появилась

возможность перевестись в Брайар, и я ей воспользовался. Я жил дома, понимаешь, и мне там становилось тесно.

– Из-за сестер с братьями?

– Нет, я уже давно живу вдвоем с мамой. Папа бросил нас, когда мне было шесть.

Сочувствие смягчает мою интонацию.

– Это ужасно. Мне жаль.

– Нечего жалеть. Я почти его не помню. Моя мама вышла за другого, Макса, лет шесть назад.

– И что, вы не ужились вместе?

Он вздыхает и сильнее вжимается в подушки, уставившись в потолок. На его лбу проступает горестная морщина. Мне хочется пойти на попятную, сказать, что он не обязан об этом рассказывать и я не хотела совать свой нос в его дела. Я вижу, что эта тема его тревожит, но он продолжает:

– Он ничего. Мы с мамой снимали дерьмовый домишко, когда они встретились. Она работала парикмахером шестьдесят часов в неделю, чтобы нас прокормить. И тут появляется этот прилизанный богатенький бизнесмен и вытаскивает нас из бедности прямо на Хантингтон-Бич. Там даже воздух совсем другой, словами не описать. Это первое, что я заметил. – Он пожимает плечами с самоуничижительной улыбкой. – Я сменил государственную школу на частную. Мама сократила часы работы, а потом вообще уволилась. Наша жизнь полностью изменилась. – Молчание. – Он хорошо к ней относится. Она – весь его мир. Но мы с ним

общий язык не нашли. Она была желанным призом, а я – ненужным балластом.

– Никакой ты не балласт, – говорю я ему. Сердце сжимается от мысли, что на свете есть дети, которые с малых лет считают себя обузой, и я задумываюсь, уж не потому ли Конор старается казаться таким спокойным и расслабленным, что это ему помогает оправиться от былых травм и не чувствовать себя брошенным. – Некоторые люди просто не ладят с детьми, понимаешь?

– Да. – Он кивает с лицом, исказившимся гримасой боли. Мы оба понимаем, что эту рану не залечить моими примитивными банальностями.

– Я тоже росла без отца, – говорю я, меняя тему, чтобы не портить Конору и без того нерадужное настроение. – Я плод страстного перепихона на одну ночь.

– Так. – Глаза Конора загораются. Он поворачивается ко мне и подкладывает под голову ладонь. – А вот это уже интересно, продолжай.

– О да, Айрис Марш была занудой на работе и оторвой в кровати.

Его хриплый смех вызывает новую волну жара. Хватит уже так... *реагировать на него*. Как будто мое тело настроилось на его частоту и теперь отзывается на каждое его движение, каждый звук.

– Она профессор ядерной физики и инженерии в Массачусетском технологическом институте, и двадцать два года

назад она встретила крутого российского ученого на конференции в Нью-Йорке. У них вспыхнул короткий романчик, и потом он вернулся в Россию, а мама – в Кембридж. И шесть месяцев спустя она прочитала в «Таймс», что он погиб в автотрагедии.

– Ни хрена себе. – Он вскидывает голову. – Думаешь, твой папа был, типа, убит российским правительством?

Я смеюсь.

– Чего?

– Слушай, а вдруг твой папа занимался какой-то шпионской мутью? И КГБ узнал, что он агент ЦРУ, и его замочили?

– Замочили? Мне кажется, ты путаешь эвфемизмы. Людей мочат банды. И я не уверена, что КГБ еще существует.

– Конечно, они хотят, чтобы ты так и думала. – У него расширяются глаза. – Ого, а вдруг ты русский «крот»?

У него живое воображение, этого не отнять. Но, по крайней мере, у него улучшилось настроение.

– Ну, – задумчиво говорю я, – на мой взгляд, это бы означало одно из двух: либо из-за того, что меня раскусили, я скоро буду приговорена к смерти...

– Твою ж мать. – С впечатляющим проворством Конор вскакивает с кровати и комично выглядывает в окно, а потом закрывает жалюзи и выключает свет.

Теперь нас двоих освещает только черепаховый ночник Рейчел и свечение уличных фонарей, пробивающееся между планками жалюзи.

Со смехом он забирается обратно на кровать.

– Не переживай, детка, я обо всем позаботился.

Я натягиваю улыбку.

– Или второе – мне придется убить тебя за то, что ты раскрыл мой секрет.

– Или, *или*, слушай: ты берешь меня – такого красивого и мускулистого – в напарники, и мы отправляемся в путь-дорогу как наемники.

– Хм-м. – Я изображаю задумчивость. – Заманчивое предложение, товарищ.

– Но сначала нам надо раздеть друг друга, «жучки» поискать. Сама понимаешь, чтобы установить доверительные отношения.

Он очарователен – точь-в-точь игривый щенок.

– Ага, щас.

– С тобой неинтересно.

Я не могу понять этого парня. Он милый, обаятельный, смешной – словом, обладает всеми теми качествами, с помощью которых коварные мужчины убеждают нас в том, что мы можем сделать из них приличных людей. Но в то же время он дерзкий, грубый и совсем непретенциозный – такой, каких в колледжах почти не встретишь. Обычно мы занимаемся мучительным самопознанием, строя из себя храбрецов. И как же это соотносится с легендарным Конором Эдвардсом? Человеком, у которого больше зарубок на клюшке, чем снежинок в январе? Кто такой настоящий Конор Эдвардс?

Какая мне разница?

– Эм, какая у тебя специальность? – спрашиваю я, чувствуя себя банальной.

Он запрокидывает голову и выдыхает.

– Финансы, наверное.

Так, не то, что я ожидала.

– Наверное?

– В смысле, мне не очень это нравится. Это была не моя идея.

– А чья?

– Отчима. Он вбил себе в голову, что я буду после выпуска работать на него. Научусь управлять его компанией.

– Похоже, ты не особо от этого тащишься, – говорю я, добавив для него немного жаргона с западного побережья и заслужив этим хмыканье в ответ.

– Нет, не тащусь, – соглашается он. – Пусть меня лучше подвесьят за яйца, чем заставят надеть костюм и таращиться весь день в таблицы.

– На какую специальность тебе хочется пойти?

– В том-то и дело. Я понятия не имею. Наверное, я в итоге согласился на финансы, потому что ничего лучше придумать не смог. Не смог притвориться, что у меня есть другие прекрасные интересы, поэтому...

– Ничего? – переспрашиваю я.

Сама я разрывалась между кучей возможностей. Правда, некоторые из них были остатками детских фантазий о том,

чтобы стать археологом или космонавтом, но все же. Когда пришло время решить, чем я хочу заниматься всю оставшуюся жизнь, дефицита вариантов у меня не было.

– У меня с детства нет прав на завышенные ожидания, – резко говорит он. – Я думал, что скорее буду работать за минимальную плату, нося бейджик, или окажусь в тюрьме, чем поступлю в колледж. Поэтому я никогда особо об этом не размышлял.

Представить не могу, каково это. Глядеть в свое будущее и не возлагать на него никаких надежд. Это напомнило мне о том, насколько мне повезло, что мне с детства говорили, что я могу быть кем захочу, и я знала, что деньги и отсутствие препятствий мне в этом помогут.

– В тюрьме? – Я пытаюсь хоть немного улучшить ему настроение. – Не надо себя недооценивать, дружище. С такими лицом и телом ты бы разбогател в порно.

– Тебе нравится мое тело? – Он ухмыляется, показывая на свою стройную мускулистую фигуру. – Все твое, Ти. Залезай.

Боже, хотелось бы. Я с трудом сглатываю и притворяюсь, что на меня его сексуальность не подействовала.

– Я пас.

– Как скажешь, *дружище*.

Я закатываю глаза.

– А у тебя? – спрашивает он. – Какая у тебя специальность? Нет, стой. Попробую угадать. – Конор шурится, вни-

мательно меня изучая. – История искусств.

Я качаю головой.

– Журналистика.

Опять качаю.

– Хм-м... – Он тарашится сильнее, кусая губу. Господи, у него самый сексуальный рот. – Я бы сказал «психология», но я знаю кое-кого оттуда и ты там не учишься.

– Начальное образование. Я хочу быть учителем.

Он поднимает бровь и изучает меня почти... голодным взглядом.

– Звучит соблазнительно.

– Что в этом соблазнительного? – недоверчиво спрашиваю я.

– Все парни фантазируют о том, чтобы потрахаться с учителем. Есть такая фишка.

– Парни такие странные.

Конор пожимает плечами, но голодное выражение не покидает его лица.

– Объясни мне кое-что... почему ты вообще тут одна?

– То есть?

– Нет парня на горизонте?

Теперь моя очередь уклоняться от темы. Наверное, я могла бы больше рассказать о текстиле тринадцатого века, чем об отношениях. И, раз уж я и так достаточно сегодня опозорилась, я бы предпочла не усугублять свое унижение подробностями моей несуществующей личной жизни.

– То есть тут какая-то история, – говорит Конор, приняв мою нерешительность за скромность. – А ну-ка расскажи.

– А у тебя что? – делаю я ответный удар. – Не подыскал еще себе фанаточку по душе?

Он пожимает плечами, не обращая внимания на мой подкол.

– Встречаться с девушками – это не мое.

– Ух, как мерзко.

– Нет, я к тому, что никогда ни с кем не встречался дольше нескольких недель. Если искры нет, то ее нет, понимаешь?

Ой, я знаю таких. Быстро начинают скучать. Постоянно оглядываются на то, что прошло мимо. Просто мемы во плоти.

Симпатичные всегда жаждут свободы.

– Не думай, что отвлекла меня, – говорит он, понимающе улыбаясь. – Отвечай на вопрос.

– Прости, что разочаровываю. Никаких парней. Никакой истории. – Ничем не примечательная путаница на втором курсе, которая с трудом подпадала под категорию отношений, не в счет.

– Да ладно тебе. Я не такой тупой, каким кажусь. Что, ты разбила ему сердце? Он полгода пропадал на обочине перед особняком сестринства?

– Почему ты думаешь, что парень будет торчать под дождем по колено в слякоти ради такой девушки, как я?

– Ты шутишь? – Его серебристые глаза оглядывают меня,

задерживаясь на разных частях тела, а потом встречаются с моими. Везде, куда он смотрел, теперь безумно колет. – Детка, такое тело, как у тебя, парни представляют в темноте под одеялом.

– Не надо так, – говорю я ему, и весь юмор испаряется из моего голоса, когда я начинаю отворачиваться. – Не издевайся надо мной. Это не смешно.

– Тейлор.

Я вздрагиваю, когда он берет меня за руку и не дает отвести взгляд. Когда сердце начинает колотиться как бешеное, он прижимает мою дрожащую ладонь к своей груди. Его тело теплое, упругое. Его сердце отбивает быстрый ровный ритм под моей рукой.

Я касаюсь груди Конора Эдвардса.

Что, черт возьми, происходит? Никогда, даже в самых смелых мечтах я не представляла, что вечеринка Каппы Хи в честь окончания весенних каникул закончится вот так.

– Я серьезно. – Его голос становится хриплым. – Я весь вечер сижу тут с грязными фантазиями о тебе. Мои манеры – вовсе не признак безразличия!

Я невольно улыбаюсь.

– Манеры, да? – Пожалуй, я ему не верю. Как не верю и в то, что порнуха в его голове со мной в главной роли считается комплиментом. Хотя, наверное, это что-то да значит.

– Мать воспитала меня приличным человеком, но приличиями можно и пренебречь, если захочешь.

– И что же считается неприличным на западном побережье? – спрашиваю я, замечая, как у него подрагивает верхняя губа, когда он дерзит.

– Ну... – Все его поведение меняется. Он щурится. Дыхание замедляется. Конопр облизывает губы. – Не будь я джентльменом, я мог бы попробовать убрать тебе волосы за ухо. – Он скользит пальцами по моим волосам, а потом вниз по шее. Мягкое перешептывание между его кожей и моей.

Моя шея покрывается мурашками от возбуждения, а дыхание перехватывает.

– И провести пальцем по плечу.

Он так и делает, учащая мой пульс. Становится больно дышать.

– И скользить дальше, пока... – Он доходит до бретельки моего бюстгалтера. Я не заметила, что она вылезла из-под свитера с V-образным вырезом.

– Ладно, хорош, парень. – Приходя в себя, я убираю его руку и поправляю рукав. Господи, на этом парне должна висеть табличка с предупреждением. – Кажется, теперь я поняла.

– Ты чертовски привлекательная, Тейлор. – На этот раз, когда он заговаривает, я не сомневаюсь в его искренности, разве что во вменяемости. Похоже, такие, как он, редко бывают привередливыми. – Уж поверь мне и даже не смей сомневаться.

Следующие несколько часов я так и делаю. Я разрешаю

себе притвориться, что такой человек, как Конор Эдвардс, и правда на меня запал.

Мы лежим в нелепом коконе из игрушечных животных Рейчел, болтая так, будто дружим уже годами. Как ни странно, нам всегда есть что сказать, в разговоре нет никаких заминок. Мы переходим от банальных тем вроде вкусной еды или общей любви к научно-фантастическим фильмам к более серьезным – например, я признаюсь, что чувствую себя не в своей тарелке среди девушек из сестринства, – а потом и к веселым – так Конор рассказывает, как в шестнадцать напился до чертиков после выездной игры в Сан-Франциско и нырнул в залив, намереваясь доплыть до Аляскатраса.

– Появилась гребаная береговая охрана и... – Он замолкает посреди предложения, громко зевая. – Блин, у меня глаза слипаются.

Я заражаюсь его зевком и прикрываю рот рукой.

– У меня тоже, – сонно говорю я. – Но мы не уйдем отсюда, пока ты не закончишь эту историю! Потому что, черт возьми, ребенком ты был безбашенным.

Это вызывает у норвежского бога, лежащего рядом со мной, громкий хохот.

– Я слышу это не в первый раз и уж точно не в последний.

Когда он заканчивает рассказ, мы уже непрерывно зеем, быстро моргая, чтобы не заснуть. Пытаясь найти в себе силы встать, мы заводим глупейшую сонную дискуссию.

– Нам надо пойти вниз, – бормочу я.

– Ммм-хммм, – бормочет он в ответ.

– Прямо сейчас.

– Хммм, хорошая идея.

– Или, может быть, через пять минут. – Я зеваю.

– Пять минут, да. – Он зевает.

– Ладно, тогда закроем глаза на пять минут, а потом встанем.

– Просто дадим глазам отдохнуть. Глаза же устают.

– Да, устают.

– Уставшие глаза, – бормочет он, опустив густые ресницы, – и у меня сегодня была игра, меня немного помяли, поэтому давай просто...

Я не слышу конец предложения, потому что мы оба засыпаем.

4. Тейлор

Тук.

Тук.

Тук!

ТУК!

Последний удар в дверь заставляет меня подскочить. Я шурююсь и прикрываю глаза от яркого света, залившего комнату. Какого черта?

Уже рассвело. Настало утро. Во рту у меня сухо и горько. Я не помню, как заснула. Зевая, я потягиваюсь и чувствую, как мышцы расслабляются. А потом мое сердце замирает от нового звука.

Храп. Рядом со мной.

Гребаные черепашки.

Растянувшись на животе, с голым торсом и в одних боксерах лежит Конор.

– Эй! Откройте дверь! Это моя комната!

Стук усиливается.

Блин. Рейчел вернулась.

– Вставай. – Я трясусь Конора. Он не реагирует. – Чувак, вставай. Тебе надо уходить.

Я не понимаю, почему он до сих пор здесь и когда именно я ночью заснула. Окидываю себя взглядом. Я одета и обута,

тогда почему, черт возьми, Конор почти голый?

– Выметайтесь, засранцы! – Кажется, Рейчел вот-вот начнет выбивать дверь.

– Ну же, вставай. – Я с силой шлепаю его по пояснице, от чего он в замешательстве подскакивает.

– Мгггммм? – бессвязно бормочет он.

– Мы заснули. Моя сестра вернулась и теперь ломится к себе в комнату, – торопливо шепчу я. – Тебе надо одеться.

Конор сваливается с кровати. Он стоит, пошатываясь, и все бормочет что-то бессвязное. Я трусливо отпираю и открываю дверь, за которой в коридоре стоит взбешенная Рейчел. Позади нее собрались все обитатели особняка – в пижамах, с растрепанными волосами, кружками кофе и печеньем в руках. Сашу нигде не видно, так что, похоже, она в итоге нашла концерт в Бостоне и пошла тусить с друзьями.

– Какого черта, Тейлор? Почему моя дверь была заперта?

В толпе, наполнившей коридор, я замечаю Абигейл. На ее губах играет недобрая ухмылка.

– Прости, я...

Не дав мне закончить, Рейчел распахивает дверь и врывается внутрь, выставив на всеобщее обозрение полуголого Конора, застегивающего джинсы.

– Ой! – визжит она. Ее раздражение моментально улетучивается при виде безупречного тела Конора.

Я не виню ее за то, что она загляделась. Он восхитителен. Широкие плечи и точеные мускулы. Идеально гладкая, ма-

нящая грудь. Поверить не могу, что спала рядом с ним и ничего не запомнила.

– Доброе утро, – говорит Конор с ухмылкой. Он кивает остальным сестрам в коридоре. – Дамы.

– Я не знала, что ты не одна, – говорит мне Рейчел, таращась на него.

– Моя вина, – легко говорит он, натягивая футболку на свою рельефную грудь. – Простите. – По пути к двери он мне подмигивает. – Позвони мне.

И с той же внезапностью, с которой мы стали союзниками – маловероятный поворот, будь ситуация иной, – он уходит. Все до единого взгляды провожают его тугую задницу, обтянутую тканью джинсов, до тех пор, пока он не скрывается из виду, громко спускаясь по лестнице.

Я сглатываю несколько раз, прежде чем заговорить:

– Рейчел, я...

– Не думала, что ты на такое способна, Марш. – Она выглядит удивленной, конечно же. Но и впечатленной. – В следующий раз, когда будешь укрощать дракона в моей комнате, уходи до завтрака. Ладно?

– Конечно. Прости, – говорю я и с облегчением выдыхаю. Похоже, худшее позади. Впереди меня ждут новые битвы. И даже если я сама виновата, если я утратила еще каплю уважения в глазах окружающих, очевидно одно: сегодня девчонки будут весь день смаковать мои предполагаемые подвиги. Но не Абигейл.

Пока остальные возвращаются к своим утренним мультфильмам и коричневым тостам, она стоит на верхней ступеньке, поджидая меня. Я хочу протиснуться мимо, сделав вид, будто я ее не замечаю, может, даже ненароком столкнуть ее вниз. Но вместо этого, как дура, останавливаюсь и встречаюсь с ней взглядом.

– Ты наверняка очень довольна собой, – говорит она, изогнув идеально выщипанную бровь.

– Нет, Абигейл, я просто устала.

– Если ты думаешь, что что-то доказала этой ночью, то ты ошибаешься. Конор с мокрым носком бы переспал, если бы тот ему улыбнулся. Поэтому не думай, будто ты теперь особенная, Тей-Тей.

На этот раз я прохожу мимо нее.

– Я и мечтать о таком не смею.

* * *

– И он вообще ничего не сделал? – спрашивает Саша утром в воскресенье после того, как я закончила рассказывать ей о своих пятничных похождениях.

В отличие от меня, Саша все еще живет в особняке Каппы Хи, поэтому она встретила меня в городе, за завтраком, в кафе «Деллас Дайнер». Обычно ей слишком лень приезжать в Гастингс и она заставляет меня встречаться с ней в одном из кафе Брайара, но, судя по всему, моего вчерашнего мут-

ного сообщения с текстом «Расскажу, когда увидимся» было недостаточно, чтобы утолить любопытство моей лучшей подруги. По крайней мере, теперь я знаю, что нужно для того, чтобы вытащить ее ленивую задницу из кампуса: грязные подробности.

Или их отсутствие.

– Не-а, – подтверждаю я. – Вообще ничего. – Я не боюсь, что Саша может проболтаться кому-то из Каппы. Я полностью ей доверяю и ни за что не позволю своей ближайшей подруге думать, что я переспала с известным качком-плейбоем. Она единственная, кто знает, что я девственница.

– Он не пытался тебя поцеловать?

– Не-а. – Я медленно жую кусок цельнозернового тоста. В «Деллас» я всегда заказываю один и тот же скучный завтрак: поджаренный тост, омлет из яичного белка и маленькую миску с фруктами. Если бы на подсчете калорий можно было построить карьеру, я была бы богаче Джеффа Безоса.

– Меня это напрягает, – объявляет она. – Сама знаешь, какая у него репутация. – Ну, он немного флиртовал, – признаю я, беря стакан воды. – И притворялся, что ему нравится мое тело.

Она закатывает глаза.

– Тейлор, уверяю тебя, он не *притворялся*. Я знаю, ты думаешь, что у мужиков встает только на анорексичек, но, поверь мне, ты ошибаешься. Изгибы сводят их с ума.

– Да, изгибы. Не складки.

– У тебя нет складок.

К счастью, сейчас нет. Я стараюсь соблюдать диету с Нового года, после того как переела на каникулах и набрала почти пять килограммов. За три месяца я сбросила около четырех с половиной из этих пяти, чему рада, но хотелось бы скинуть больше.

Мое идеальное тело – где-то между Кейт Аптон и Эшли Грэм – тут мне сложно определиться, – но, если бы я могла похудеть до размера Кейт, я была бы в восторге. Я искренне верю, что некрасивых тел не бывает, но когда смотрюсь в зеркало, напрочь об этом забываю. Мой вес был источником стресса и комплексов всю мою жизнь, поэтому следить за ним – моя главная задача.

Я проглатываю последний кусок омлета, делая вид, будто не замечаю, до чего аппетитно выглядит Сашин завтрак. Стопка панкейков, политых сахарным сиропом, с кусочками шоколада – вкуснотища!

Она одна из тех счастливиц, которые могут есть что угодно и не поправляться. Мне же стоит только разок куснуть чизбургер на ночь – и все, плюс пять кило. Такое у меня тело, и я с этим смирилась. Чизбургеры и панкейки потрясающие на вкус, но в долгосрочной перспективе они для меня того не стоят.

– В общем, – продолжаю я, – он и правда был джентльменом.

– Все равно не могу в это поверить, – отвечает она с на-

битым ртом и начинает энергично жевать. – И он велел ему позвонить?

Я киваю.

– Но, естественно, он это не всерьез.

– Почему «естественно»?

– Наверно, потому, что он Конор Эдвардс, а я Тейлор Марш? – Я закатываю глаза. – А еще он не дал мне свой номер.

Она нахмуривается. Ха, быстро же я ее заткнула. – Ага, так что какие бы романтические фантазии ты ни напридумывала себе в своей красивой головке, можешь о них забыть. Конор оказал мне услугу. – Я пожимаю плечами. – И ничего больше.

5. Конор

Если кто-то из нас лелеял надежду, что тренер Дженсен будет с нами помягче после того, как мы обеспечили себе место в полуфинале чемпионата первого дивизиона НАСС ⁶, то эти иллюзии быстро развеялись, когда мы вышли на лед для утренней раскатки в понедельник. С самого первого свистка тренер буйствовал так, будто только что узнал, что его дочь залетела от Джейка Коннелли. Первый час у нас скоростная тренировка, и мы катаемся до тех пор, пока у нас не начинают кровоточить ногти на ногах. Потом он объявляет серию ударов, и я так неистово луплю по воротам, что того и гляди заработаю вывих. *Свисток – разгон. Свисток – удар. Свисток – точно в цель.*

Когда тренер велит нам пройти в медиа-зал, чтобы посмотреть видео с матча, я едва волочу ноги. Даже Хантер, который как капитан из всех сил старался поддерживать позитивный настрой, выглядит так, словно хочет позвонить мамочке и попросить его забрать. В коридоре мы обмениваемся жалобными взглядами. *Да, чувак, та же фигня.*

После бутылки энергетика и питательной смеси я чувствую себя по меньшей мере полуживым. В медиазале стоят

⁶ Национальная ассоциация студенческого спорта.

полукругом три ряда кресел, и я в первом ряду с Хантером и Баки. Все поникли от усталости.

Тренер встает перед экраном, и фотография с нашего матча против Миннесоты проецируется на его лицо. Даже звук того, как он прочищает горло, вызывает у меня панику.

– Некоторые из вас, похоже, думают, что трудности позади. Что вы легко пройдете в чемпионат, и с этого момента в вашей жизни будут только шампанское и вечеринки. Что ж, у меня для вас другие новости. – Он дважды хлопает ладонью по стене, и, клянусь, все здание сотрясается. Мы все резко выпрямляемся на своих местах, тут же, к чертовой матери, проснувшись. – С этого момента начинается работа. До сегодняшнего дня вы ездили на велосипедах с четырьмя колесами. А теперь папочка тащит вас на вершину горы и дает вам пинки под зад.

На экране начинает играть замедленное видео. Защитник сходит с позиции в выходе один на один ⁷ и ударяет шайбой по воротам, но она отлетает от штанги. Слева нахожусь я, и от вида того, как неуклюже я устремляюсь за этим «снайпером», у меня скручивает живот.

– Вот, – говорит тренер. – Мы отвлеклись. Попались на том, что смотрели на шайбу. На то, чтобы потерять бдительность, нужна секунда, а потом бац! – и мы уже играем в догонялки.

⁷ Момент в хоккее, при котором игрок одной команды находится ближе всех к вратарю другой команды.

Он прокручивает запись. Теперь на экране появляются Хантер, Фостер и Джесс, которые не могут скоординировать свои пасы.

– Ну же, дамы. Это базовые вещи, которые вы делаете с пяти лет. Расслабьте руки. Представьте, где находятся ваши товарищи по команде. Откройтесь. Доводите дело до конца.

В этом зале мы получаем удары в том числе и по нашему раздутому эго. В этом весь тренер: он терпеть не может див. Последние несколько недель мы чувствовали себя чертовски непобедимыми на нашем пути к вершине. Теперь у нас впереди жесточайшие противники, и пора спуститься обратно на землю. То есть впахивать на тренировках.

– Где бы ни была шайба, я хочу, чтобы три парня были готовы ее принять, – продолжает тренер. – Я больше не желаю смотреть, как кто-то стоит и ищет, кому сделать пас. Если мы хотим дать отпор Брауну или Миннесоте, нам надо вести свою игру. Быстрые пасы. Высокое напряжение. Я хочу видеть уверенность в каждом движении клюшки. Мой тренер в Лос-Анджелесе был сущим исчадием ада. Парнем, который врывался в комнату с визгом и криками, хлопал дверьми, расшвыривал стулья. Минимум дважды за сезон его выгоняли с игры, а потом он приходил на следующую тренировку и вымещал все на нас. Иногда мы этого заслуживали. Но чаще ему как будто нужно было искупить сорок лет позора и неполноценности с помощью кучки тупых парней. Неудивительно, что наш уровень игры в хоккей оставлял желать луч-

шего.

Из-за него я почти решил не вступать в команду, когда переехал в Брайар, но я знал о репутации местной программы тренировок и слышал о ней только хорошее. Тренер Дженсен стал моим спасением. Он бывает с нами строг, но козней никогда не строит. Он не заикливается на спорте настолько, чтобы забыть, что тренирует живых людей. В чем я никогда не сомневался, так это в том, что тренер Дженсен заботится о каждом из этих парней. Он даже вытащил Хантера из тюрьмы в прошлом семестре. Ради этого мы пойдем за ним куда угодно, и к черту кровоточащие ногти.

– Ладно, на сегодня все. Я хочу, чтобы все сходили к нутрициологу и проследили за тем, чтобы правильно питаться следующие несколько недель. Мы будем вкалывать усерднее, чем в прошедший сезон. Это значит, что пора позаботиться о своем теле. Все свои травмы показывайте инструкторам. Сейчас не время для тайн. Каждый должен быть уверен, что на ближнего можно рассчитывать. Ясно?

– Тренер? – подает голос Хантер. Он вздыхает, съежившись. – Парни хотели узнать, не прояснилось ли чего с талисманом команды.

– Свины? Вы, идиоты, до сих пор хотите свинью, черт бы ее побрал?

– Эм, да. Из-за отсутствия Пабло Яйцебара у некоторых парней началась ломка.

Я хихикаю себе под нос. Не буду лукавить, я тоже немного

скачаю по нашему дурацкому яйцу-талисману. Он был клевым парнем.

– Господи боже. Да получите вы своего питомца. Где-то в августе, насколько я слышал. Для покупки свиньи по несельскохозяйственным причинам нужна куча бумаг. Ясно? Доволен, Дэвенпорт?

– Еще как! Спасибо, тренер.

Мы поднимаемся и устремляемся к выходу, попутно заводя разговоры.

– А, стойте, – говорит тренер.

Все останавливаются, как послушные солдатики.

– Чуть не забыл. Сверху пришло указание, что нам надо поприсутствовать на какой-то встрече выпускников в субботу. Задача проста: улыбаемся и машем. Звучат недовольные стоны.

– Что, зачем? – слышится голос Мэтта Андерсона с задних рядов.

– Ох, ну, тренер, – ноет Фостер.

Гэвин рядом со мной взбешен.

– Вот хренотень.

– Что значит «улыбаемся и машем»? – спрашивает Баки. – Звучит так, будто мы должны им подражать или типа того.

– По сути да, – отвечает тренер. – Слушайте, я тоже это терпеть не могу. Но когда проректор говорит прыгать, спортивный директор уточняет, насколько высоко.

– Но прыгаем-то мы, – протестует Алек.

– Вот именно. На таких мероприятиях лизут задницы за деньги. Университет рассчитывает, что эти маленькие цирковые представления помогут поддерживать развитие спорта и строительство крутых спортивных комплексов для вас же, принцессы. Поэтому отгладьте костюмчики, причешите волосы, бога ради, и ведите себя прилично.

– То есть мою задницу будут лапать богатые престарелые хищницы? – Весь зал смеется, когда Джесс скидывает рубку и задает свой вопрос. – Ради команды я и не на такое готов, но у меня ревнивая девушка, и мне нужна официальная справка с печатью на случай, если она меня об этом спросит.

– Попрошу внести в протокол: это сексизм и эксплуатация! – встречает Баки.

Невозмутимым тоном человека, которого уже порядком достала вся эта хрень, тренер, закрыв глаза ладонями, цитирует, – насколько я понимаю, – кодекс поведения в Брайаре:

– Политика университета заключается в том, что ни одного студента нельзя обязать вести себя неэтично, или аморально, или так, чтобы его поведение противоречило его искренним религиозным или духовным убеждениям. Университет – это институт равных возможностей, основанный на высоких академических достижениях без дискриминации по полу, сексуальной ориентации, финансовому положению, религии или ее отсутствию или темпераменту твоей девушки. Все довольны?

– Спасибо, тренер! – говорит Баки, с преувеличенным

восторгом. От этого чувака он в один прекрасный день зарабатывает аневризму.

Но Джесс и Баки в чем-то правы. С системой, которая заставляет нас платить пятьдесят тысяч в год и при этом быть практически проститутками, что-то явно не так. Во всяком случае, это касается тех, кто учится платно, как я. Но если я в чем-то и хорош, так это в том, чтобы быть мальчиком-игрушкой.

* * *

Надо отдать должное этой кучке болванов: мы умеем приводить себя в порядок. Команда пришла в субботу, одетая с иголки в свои лучшие костюмы. Щетина сбрита. На волосах гель. Баки даже выщипал волоски в ноздрях, о чем он не преминул нам сообщить.

Обед для выпускников проходит в Вулси-Холле в кампусе. Пока что суть его состоит в том, чтобы слушать, как люди встают и говорят, как Брайар сделал их теми, кем они стали сегодня, рассуждают о служении обществу, учебном духе и бла-бла-бла. Места распределены так, что отдельно сидят спортивное отделение, представители сообществ, студенческого самоуправления и кучки других важных студенческих организаций, при этом много столов заполнено выпускниками. Все, что нам пока что надо делать, – это улыбаться, кивать, смеяться над их плохими шутками и говорить: «Да, сэр,

чемпионат в этом году наш».

Хотя не все так плохо. Еда приличная, и много бесплатного бухла. Так что я – хоть немного – но кайфую.

Но как бы хорошо я ни выглядел в костюме, мне все равно кажется, что они чувствуют исходящий от меня запах. Смерд бедности. Больничную вонь новых денег. Все эти богатенькие засранцы, которые наверняка большую часть лет в колледже вдыхали кокаин через стодолларовые купюры из трастовых фондов, деньги в которых копились с тех пор, как их предки занимались работорговлей.

Семь месяцев назад я появился в Брайаре парнишей бунтарем из Лос-Анджелеса. Таких, как я, «добрые» люди из институтов Лиги плюща предпочли бы видеть в роли уборщика, а не студента. Тем не менее, отчим с пухлым кошельком ощутимо преображает тебя в глазах приемной комиссии.

Да, я могу наводить лоск, если нужно, но такие вот сборища напоминают мне, что я не один из них. Я никогда и не буду.

– Мистер Эдвардс. – Женщина постарше, усевшаяся рядом со мной, повесила на свою шею, кажется, все драгоценности английской королевы. Она кладет костлявую ладонь мне на бедро и наклоняется ближе. – Не будете ли вы так любезны раздобыть даме джин-тоник? От вина у меня болит голова. – Она пахнет сигаретами, мятной жвачкой и дорогим парфюмом.

– Не вопрос. – Надеюсь, что она не заметит моего облегче-

ния, я встаю из-за стола, благодарный за возможность ненадолго отойти.

Выйдя из главного зала, я встречаю Хантера, Фостера и Баки у коктейльного бара, где обслуживающий персонал все упаковывает, закончив разносить закуски.

– Можно попросить у вас джин-тоник? – спрашиваю я бармена.

– Да, без проблем. – Он начинает наливать напиток. – Чем больше бутылок я опустошу, тем меньше мне отсюда унести.

– Джин-тоник? Братан, ты когда в мою бабульку-то превратился? – шутит Баки.

– Это не для меня. Это для моей хищницы.

Хантер фыркает и глотает свое пиво.

– Пожалуйста, не смейтесь. Еще пара джин-тоников, и она точно начнет мне на член усаживаться. – Я киваю бармену, спрашивая разрешения, и забираю себе бутылку пива, стоящую у него в коробке на полу.

– Насколько я знаю, – говорит Фостер, – твой член и так был занят на этой неделе.

Я открываю бутылку кольцом, которое ношу на среднем пальце правой руки.

– И что это значит?

– Насколько я слышал, ты провел ночь с Каппой в прошлую пятницу и прыгнул в кровать с Три-Дельтой в четверг.

Когда он так говорит, это звучит грубо. Но да, наверное,

так оно и выглядит. Он, конечно, не знает, что мы с Тейлор провели вечер вполне себе платонически – за милыми беседами. И я не могу защитить ее честь, не выдав ее при этом. Я доверяю этим парням, но все, что я говорю, неизбежно пересказывается потом их девушкам: люди вообще сплетники по натуре.

– Кто рассказал тебе о перепихе с Дельтой? – с любопытством спрашиваю я, потому что Натали провела меня в особняк сестринства после полуночи. Как оказалось, в доме Дельты есть какое-то нелепое правило по поводу ночующих парней.

– Она сама, – отвечает Фостер, хихикая.

Я хмурюсь.

– В смысле?

Баки вытаскивает из кармана телефон.

– О да, мы все видели эту фотку. Подожди. – Он несколько раз нажимает на экран. – Да, вот она.

Я смотрю на ленту Инстаграма Баки. И да, там высвечивается селфи Натали с поднятым большим пальцем на фоне меня, спящего в углу. Надпись под фото гласит: «Смотрите, кто забил. #КрасавчикхоккеяБрайара #ЗасуньтеСебе #БросокССиреной⁸ #Гооооллл».

Как мило.

– Высший балл за свет и композицию, – со смехом говорит

⁸ Бросок с сиреной – удар в ворота, совершенный прямо перед окончанием периода.

Фостер. Вот засранец.

– Хэштег «хоккейная фанатка», – добавляет Баки. – Хэштег...

Я беру джин-тоник у бармена и направляюсь обратно, чтобы его отнести, показав при этом парням средний палец.

Меня беспокоят не насмешки. И даже не снимок, в общем-то. Я просто чувствую себя... дешевкой. Тем, с кем можно потрахаться ради лайков. Может, я и неразборчив в сексе, но я не отношусь к женщинам, как к трофеям. Взаимное удовольствие, если угодно, обмен, где каждый получает, что хочет, и никто не лжет, – это совершенно нормально. Зачем заставлять другого человека чувствовать себя куском мяса?

И все же, наверное, я это заслужил. Ведешь себя как бабник – к тебе относятся как к бабнику.

Когда я возвращаюсь в зал, играет джазовая группа, а тарелки для обеда уже опустошили. Большинство гостей вышли на танцпол, включая мою усыпанную драгоценностями хищницу. Я ставлю напиток на стол и сажусь, молясь о том, чтобы никто не пригласил меня танцевать. Что ж, пока все хорошо. Я потягиваю пиво и смотрю на людей. Но вскоре улавливаю разговор в паре столов от меня.

– Ой, я тебя умоляю. Не такая уж это заслуга. Это был вызов, ясно? Не то чтобы он на нее запал или что-то еще.

– Поверь мне, – отвечает женский голос, – я слышала, что там происходило. Он увидел эти сиськи и задницу порно-

звезды и, наверное, подумал, что если будет трахать ее сзади, то ему не придется смотреть на ее страшное лицо.

– Я бы трахнул тело Тейлор с твоим лицом, – отвечает парень.

Мои пальцы сжимаются на бутылке с пивом. Эти придурки говорят о Тейлор?

– Ты издеваешься, Кевин? Скажи это еще раз, и я тебе яйца утюжком для волос прищемлю.

– Черт возьми, Абигейл, я шучу. Притормози, детка.

Абигейл. Девушка из сестринства Тейлор, которая заставила ее выполнить тот тупой вызов?

Я быстро оглядываюсь через плечо. Да, это она. Я помню, как она стояла в холле в особняке Каппы, когда я выходил тем утром из комнаты. Она сидит с Каппами, которых я видел на вечеринке, и несколькими парнями. Тейлор была права: она первоклассная тварь.

Сообразив, что Тейлор должна быть где-то здесь, я осматриваю комнату, но не могу ее найти.

– Вы знаете, что она хочет быть учительницей? – говорит другая девушка. – Она точно станет одной из тех телок, которым ученики заделывают детишек.

– Ох, она должна сниматься в учительском порно, – отвечает один из парней. – Эти сиськи четвертого размера зарабатывают безумные деньги.

– На порно до сих пор зарабатывают? Разве сейчас эта хрень не бесплатная?

– Это ты еще не знаешь, что у нас сняли на неделе вступления в сестринство. Никакое порно с этим не сравнится.

Только когда хищница возвращается за своим джин-тони-ком и оставляет след от губной помады на моей щеке, я замечая, что мои кулаки сжаты под столом, а сам я задержал дыхание. Я не знаю, как мне это воспринимать. Эти люди – гнилье, да, но почему я взбесился из-за девушки, с которой пробыл одну ночь? Мои товарищи по команде всегда шутят, что меня ничем не проймешь, и обычно они правы: я великолепно умею отвлекаться от всякой ерунды. Особенно когда она не касается меня напрямую.

Но весь этот разговор выводит меня из себя.

– Вы видели пост Дельты в инсте? Конор даже не приходил к Тейлор за вторым разом.

– Некоторые девушки созданы только для секса на одну ночь. Так что поделом ей, – самодовольно говорит Абигейл. – Добиться такого парня, как Конор, – для Тейлор недостижимая цель. Чем быстрее она это поймет, тем счастливее будет. Это даже грустно.

– Божечки! Готова поспорить, она уже вырисовывает в своих блокнотах «Тейлор любит Конора».

– Пишет «Тейлор Эдвардс» кровью в дневнике.

Они хохочут, согнувшись пополам. Засранцы.

Мне вдруг нестерпимо хочется подойти туда, возразить им. Тейлор ничем не заслужила такого отношения. Она клева-ая телка. Умная, смешная. Давненько мне не хотелось про-

вести целую ночь за разговорами с незнакомцем. И не потому что она вызывала жалость или мне нужно было алиби. Я и впрямь прекрасно провел с ней время. Эти твари не вправе так издеваться над...

Легка на помине.

У меня невольно напрягаются плечи, когда я замечаю Тейлор, идущую в мою сторону. Она наклонила голову, увлеченно глядя в телефон. На ней черное платье до колена, короткий розовый кардиган, застегнутый на пуговицы до шеи, а волосы убраны в неаккуратный пучок на затылке.

Я помню, как она сокрушалась по поводу своих форм, и – честное слово – не могу этого понять. Фигура Тейлор для меня в тысячу раз привлекательнее, скажем, костлявого тела Абигейл. Женщины должны быть мягкими, фигуристыми и податливыми. Не знаю точно, когда им промыли мозги и внушили иное.

У меня немного пересыхает в горле, пока ко мне приближается Тейлор. Она выглядит сегодня просто охрененно. Сексуальная. Элегантная.

Не заслуживающая презрения этих людей.

Меня будто что-то подталкивает. Жажда справедливости. Победы добра над злом. У меня щекочет в затылке – верный знак, что в голову пришла тупая идея.

Когда Тейлор проходит мимо соседнего стола, не замечая моего присутствия, я вскакиваю.

– Тейлор, привет! Почему ты мне не позвонила? – говорю

я громко, чтобы привлечь внимание Абигейл и ее компании в двух столах от нас.

Тейлор моргает, потрясенная и справедливо озадаченная.

Ну же, детка. Подыграй.

Я умоляюще на нее смотрю и повторяю подчеркнуто скорбным голосом:

– Почему ты мне не позвонила?

6. Тейлор

Я пытаюсь слушать, что мне говорит Конор, но, глядя на него в костюме, никак не могу сосредоточиться. Его могучие плечи и широкая грудь отчетливо угадываются под темно-синим пиджаком. Так и хочется попросить его покрутиться, чтобы я могла оценить ситуацию с задницей. Готова поспорить, она тоже выглядит потрясающе.

– Тейлор, – нетерпеливо говорит он.

Я моргаю и усилием воли перевожу взгляд обратно на его лицо.

– Конор, привет. Прости, что?

– Неделя прошла, так? – говорит он со странным жаром. – Ты мне не позвонила. Я думал, мы славно с тобой пообщались тогда на вечеринке.

Я аж рот распахиваю от изумления. Он сейчас серьезно? Вообще, да, технически он говорил «позвони мне», когда уходил утром в субботу, но это же была часть представления, так? Он ведь даже не дал мне свой номер!

– Эм, еще раз прости? – Я морщу лоб. – Наверное, мы неправильно друг друга поняли.

– Ты меня избегаешь? – спрашивает он.

– Что? Конечно, нет.

Он ведет себя странно. Слегка истерично. Внезапно я задумываюсь, не связано ли это с каким-то психическим рас-

стройством.

Или, может быть, он пьян? Тут было много бесплатной выпивки. Из-за этого я и рванула в туалет перед тем, как он выскочил откуда ни возьмись и набросился на меня.

– Я все время думаю о тебе, Тейлор. Не могу есть, не могу спать. – Он нервно ерошит волосы. – Я думал, той ночью между нами появилась связь. Понимаешь, я хотел держать себя в руках. Не выглядеть слишком агрессивным. Но я скупаю по тебе, детка.

Если это и шутка, то совсем не смешная.

Вытянув руки по швам, делаю шаг назад.

– Ладно, я не понимаю, что сейчас происходит, но, раз уж на то пошло, я видела в инстаграме тебя в постели с какой-то девушкой. Так что я бы сказала, что справляешься ты нормально.

– Потому что ты спутала все мои мысли. – Он издает мучительный стон. – Слушай, я знаю, что накосячил. Я слабый. Но только из-за того, что мне было очень обидно думать, что та потрясающая ночь, которую мы провели вместе, ничего для тебя не значила.

Вот теперь я за него переживаю.

От отчаяния я шагаю вперед.

– Конор, ты...

Он хватает меня без предупреждения. Обнимает меня, положив свои большие ладони мне на талию, и, наклонившись, утыкается мне в шею. Я застываю, ошеломленная и,

если честно, немного напуганная тем, что сейчас происходит.

Пока он не начинает шептать мне в ухо.

– Я не совсем поехавший, мне нужна твоя помощь, я не буду ничего трогать. Подыграй мне, Ти.

Я отстраняюсь, чтобы посмотреть ему в глаза, и замечаю в них проблеск настойчивости и лукавые искорки. Но я до сих пор до конца не понимаю, что происходит. Он пытается отыграться за то, что я сделала с ним в прошлые выходные? Это шутка? Глупая месть?

– Кон, дружище, оставь бедную девушку в покое, – слышится веселый голос. Я поворачиваюсь к заговорившему темноволосому парню – и вот тогда замечаю Абигейл и Джулс. Девушки из моего сестринства сидят со своими молодыми людьми и какими-то парнями из Сигмы, и все начинает приобретать больше смысла.

Мое сердце оттаивает. Этот мир не заслуживает Конора Эдвардса.

– Отвянь, капитан, – рычит Конор, не оборачиваясь. – Я подкатываю к своей даме.

Я сглатываю смешок.

Он подмигивает мне и обнадеживающе сжимает ладонь. А потом, к моему вящему ужасу, опускается на колени. О боже, все, кто не таращился на нас до этого, уж точно таращатся *теперь*.

Мое хорошее настроение вот-вот испарится. С таким

сногсшибательным лицом, я уверена, Конор привык быть в центре внимания. А вот я бы скорее согласилась на деревянные щепки под ногтями, чем привлекла его к себе. Но я чувствую, как взгляд Абигейл прожигает меня насквозь, будто лазером, а значит, мне нельзя проявлять слабость. Нельзя показывать ни следа тревоги, разъедающей мне нутро, точно серная кислота.

– Пожалуйста, Тейлор. Умоляю. Избавь меня от страданий. Без тебя мне конец.

– Какого черта тут происходит? – спрашивает другой мужской голос.

– Заткнись, Мэтти, – призывает первый парень. – Я до смерти хочу увидеть, чем это закончится.

Конор продолжает игнорировать своих дружков. Он не сводит своих серых глаз с моего лица.

– Сходи со мной на свидание. Один раз.

– Эм, это вряд ли, – отвечаю я.

Со стороны стола Каппы слышится потрясенный вздох.

– Ну же, Ти, – молит он. – Дай мне шанс себя проявить.

Мне приходится закусить изнутри щеку, чтобы не рассмеяться. В моих глазах стоят истерические слезы. Я медлю не из-за того, что хочу создать драму или нагнать напряжение. Я боюсь, что если открою рот, то либо зайдусь смехом, либо зарыдаю от смущения.

– Ладно, – наконец смягчаюсь я, пожимая плечами. Чтобы показаться еще более равнодушной, я отвожу взгляд к сцене,

словно весь этот разговор мне наскучил. – Одно свидание. Наверное.

Его лицо светлеет.

– Спасибо. Обещаю, ты не пожалеешь.

Я уже жалею.

* * *

После разыгранной Конором сцены мы не задерживаемся на банкете выпускников. Учитывая, что я изначально на него не хотела, я более чем рада уходу.

В прошлом году мы с Сашей выпили лишнего и оттянулись по полной, но на этот раз она не смогла прийти из-за внезапной репетиции весеннего показа. То есть я последние несколько часов улыбалась, общалась и притворялась, что мои лучшие подружки – это Каппы, которые меня либо ненавидят, либо просто игнорируют. Не говоря уже об этом нелепом кардигане, который я надела в попытках скрыться от глазающих на мой вырез, и уже безумно вспотела.

Конор предлагает подвезти меня до квартиры, потому что мы оба живем в Гастингсе, но он оказывается хитроумным фокусником, не иначе: я и сама не понимаю, каким образом мы оба оказываемся в итоге у него дома. Решаю, что всему виной два бокала шампанского, которые я выпила на банкете, хотя чувствую себя абсолютно трезвой.

– Заранее предупреждаю, – говорит он, когда мы стоим

перед таунхаусом на тихой, засаженной деревьями улице, – мои соседи бывают легковозбудимы.

– То есть они меня попытаются оседлать – или просто бояться громких звуков?

– Все вместе. Бей их по носу, если вдруг позволят себе лишнего.

Я киваю и расправляю плечи.

– Поняла.

Если мне удастся справиться с целым классом шестилеток, бушующих из-за скачка гормонов после съеденного сладкого, то к укрощению четырех хоккеистов я готова. Хотя, наверное, со стаканчиками пудинга в руках мне было бы легче.

– Кон, это ты? – кричит кто-то, когда мы входим. – Тебе что в кашу положить?

Конор забирает у меня пальто и вешает на один из крючков у двери.

– А ну члены попрятали! – объявляет он. – У нас гость.

– Кашу? – озадаченно спрашиваю я.

– У нас особое спортивное меню. Жрем как мыши, ей-богу. Никаких пустых калорий. – Он вздыхает.

Мне знакомо это чувство.

Он ведет меня за угол в гостиную, где на диванах растянулись трое мужчин внушительных размеров, двое из которых играют в «Икс-бокс».

Они до сих пор одеты в костюмы, в которых присутствова-

ли на банкете, хоть и с разной степенью неряшливости, с развязанными галстуками и выбившимися из брюк рубашками. Все вместе они походят на моделей, старательно изображающих для рекламы одеколona GQ томных красавчиков после вечеринки в Вегасе. Не хватает только женских ног в туфлях на каблуках, закинутых на их плечи, и, может быть, красного кружевного белья, элегантно перекинутого через подлокотник.

– Парни, это Тейлор. Тейлор, это парни. – Конор скидывает с себя пиджак и бросает его на спинку кресла.

На мгновение я замираю, наблюдая за тем, как его мышцы натягивают белоснежную ткань рубашки. Под пуговицами угадывается рельефная грудь. Пожалуй, теперь я не смогу смотреть на обычных парней в костюмах.

Ребята хором отвечают:

– Привет, Тейлор, – как будто это все – сплошная шутка.

– Привет, парни. – Я машу, чувствуя себя неловко. Тем более что в комнате жарко, и я очень, очень хочу снять свой кардиган.

Но платье, видимо, село после вчерашней стирки, потому что мои сиськи весь день так и норовят из него вывалиться. Очень неудобно ходить по залу, полному бывших служащих Белого дома, Нобелевских лауреатов и гендиректоров крупнейших компаний, убеждаясь в том, что они после окончания учебы так и не научились смотреть женщине в глаза.

Мужчины – тупиковая ветвь эволюции.

– Значит, ты та самая. – Один из парней, сторбившийся с геймпадом в руке, поднимает бровь. Он красивый, с убийственно очаровательными ямочками на щеках.

Я видела его на банкете: он стоял с капитаном команды Конора. Он вернулся домой раньше Конора, но это моя вина: мне надо было сбегать в дамскую, а очереди были чудовищными.

– «Та самая»? – переспрашиваю я, строя из себя дурочку.

– Которая поставила Кона на колени, превратив в любвеобильного слюнтяя. – Мистер «Ямочки на щеках» глядит на меня с надеждой, ожидая, что я объяснюсь.

– Вот черт, так это была *ты*? – спрашивает другой парень. – Поверить не могу, что мы сбежали раньше времени, так и не увидев это шоу века! – Он укоряюще смотрит на сидящего рядом парня. – Я же говорил, что надо было пропустить еще по стаканчику.

– Не допрашивай мою гостью, Мэтт, – ворчит Конор. – Всех остальных это тоже касается.

– Ты наша новая мамочка? – Третий парень с глупыми щенячьими глазами, улыбаясь, открывает пиво, и я не могу сдержать смех в ответ.

– Ладно, хватит. – Конор сталкивает Мэтта с дивана поменьше и жестом показывает мне, чтобы я села. – Вот поэтому, тупицы, у вас и не бывает гостей.

Их дом по сравнению с моей маленькой квартиркой огромный. Большая гостиная с двумя старыми кожаными

диванами и парой кресел с откидными спинками. Массивный плоский телевизор с по меньшей мере четырьмя игровыми консолями. Когда Конор сказал, что живет с четырьмя соседями, я ожидала, что войду в кошмарную пещеру, полную мужских запахов, коробок от пиццы и грязного белья, но на самом деле тут довольно чисто и совсем не пахнет ногами или пердежом.

– Эй, гостья? – В дверном проеме, отделяющем гостиную от кухни, появляется четвертое лицо. – Что тебе заказать во «Фреши Боул»? – спрашивает он, прижимая мобильный к уху.

– Салат с курицей гриль, пожалуйста, – тут же отвечаю я. Я хорошо знакома с меню одного из немногих заведений Гастингса, где подают полезные блюда.

– Я заплачу, – бормочет Конор, когда я тянусь к сумочке, чтобы внести свою долю.

Я гляжу на него.

– Спасибо. Тогда в следующий раз моя очередь.

В следующий раз? Как будто этот редкий случай, когда я ужинаю в доме Конора Эдвардса, когда-то, черт возьми, повторится? Скорее комета Галлея покажется на несколько десятилетий раньше срока.

И даюсь диву от этого непредвиденного поворота событий не только я. Когда Саша через несколько минут пишет мне и я сообщаю ей, где нахожусь, она обвиняет меня в том, что я ее разыгрываю.

Пока Конор спорит со своими соседями, какой фильм включить, я тайком отвечаю подруге.

Я: *Это не розыгрыш, клянусь.*

ОНА: *Ты в самом деле у него ДОМА????*

Я: *Клянусь своим постером Арианы Гранде с автографом.*

Это единственная поп-звезда, от которой Саша разрешает мне фанатеть. Обычно она твердит: «Если они не умеют петь вживую – без фонограммы и автотюна, то никакие это не музыканты, бла-бла-бла».

ОНА: *50 % меня все равно думает, что ты мне врешь.*

Вы только вдвоем?

Я: *Вшестером. Я + Кон + 4 соседа.*

ОНА: *Кон???? МЫ УЖЕ ПОЛЬЗУЕМСЯ ПРОЗВИЩАМИ?*

Я: *Нет, мы сокращаем его имя для удобства.*

Я хочу подчеркнуть это закатывающим глаза эмодзи, но телефон бесцеремонно выхватывают у меня из рук.

– Эй, отдай, – протестую я, но Конор только дьявольски ухмыляется и читает мою переписку с Сашей *вслух* своим соседям.

– У тебя есть постер Арианы Гранде с автографом? – спра-

шивает Алек. Вроде Алек. Я до сих пор не могу запомнить их имена.

– Ты целуешь его перед сном? – осведомляется Мэтт, от чего все взрываются смехом.

Я таращусь на Конора.

– Предатель.

Он подмигивает.

– Как часто грозила мисс Диллард, моя учительница географии в старшей школе, если она заметит, что кто-то пишет записки на уроке, она зачитает их всему классу.

– Мисс Диллард – похоже, садистка. И ты тоже. – Я драматично закатываю глаза. – А вдруг я бы жаловалась подруге на невыносимые менструальные боли?

Гэвин рядом с Алеком бледнеет.

– Отдай ей телефон, Кон. Ничего хорошего из этого не выйдет.

Серые глаза Конора вновь вперяются в экран.

– Но подруга Ти не верит, что мы тусуемся вместе. Стойте, давайте предоставим доказательства. Улыбку, парни.

И ему хватает наглости сделать снимок. У меня отвисает челюсть, когда все четыре соседа напрягают на камеру свои бицепсы.

– Вот так, – говорит Конор с довольным кивком. – «Отправить».

Я насильно вырываю телефон из его наглой руки. Ну конечно, он отправил эту фотку Саше. И она тут же отвечает.

ОНА: *Черт меня побери. Я хочу вылизать ямочки на щеках у Мэтта Андерсона.*

ОНА: *А потом отсосать ему.*

Я хохочу, а Конор вновь пытается отобрать у меня телефон. В этот раз я побеждаю в борьбе и уверенно запикиваю айфон в сумку, пока никто не добрался до него своими грязными руками.

– Видите? – говорю я, обращаясь к находящимся в комнате, и поднимаю кожаную сумочку. – Это священное место. Любого мужчину, который попытается порыться в женской сумке, убьет во сне Сумочный Мясник.

Конор хихикает.

– Черт, детка. Серийный убийца в тебе вырывается наружу.

Я отвечаю ему сладкой улыбкой. И наконец снимаю свой кардиган, потому что от всех этих накачанных мужских тел становится жарко.

Как только ткань соскальзывает с моих плеч, я чувствую, как множество взглядов устремляется на мою грудь. На моих щеках вспыхивает румянец, но я не обращаю на него внимания и поджимаю губы.

– Все в порядке? – уточняю я у Гэвина, карие глаза которого точно остекленели.

– Эм, да, все хорошо. Я... ты... эм... мне нравится твое

платье.

Мэтт хихикает со своего нового места на одном из кресел.
– Подними челюсть, любовничек.

Это выводит Гэвина из ступора. И хоть вначале остальные парни и пялились, они снова начинают нормально себя вести, и я им за это благодарна. Я бы, конечно, не назвала их идеальными джентльменами, но они и не мудаки.

Как только привозят еду, парни включают «Глубинную звезду номер шесть». Я ем свой салат с курицей гриль, смотрю, как на подводную военно-морскую базу нападает гигантский краб-монстр, и все это время задаюсь вопросом, какой гипнотической силой меня заставили тусить с Конором Эдвардсом.

Не то чтобы я была против. Он интересный. Даже милый. Но я до сих пор не разгадала его намерений. Когда дело доходит до мужчин и дружбы с ними без видимой причины, я обычно становлюсь скептиком. В машине я спросила его, зачем он устроил то представление перед Абигейл и ее подружками, и он просто пожал плечами и сказал:

– Потому что шутить над кем-то из сообществ – весело.

Я верю, что ему было весело над ними шутить, но в то же время понимаю, что это не единственная причина. Просто я не могу спросить его об этом при соседях. Из-за чего у меня возникает вопрос, знает ли он об этом и использует ли их как прикрытие, чтобы мне не отвечать.

– Где тут вообще логика? – Джо, который велел мне на-

зывать его Фостером, курит кальян, откинувшись в кресле. – Разница в давлении между такими большими глубинами потребовала бы несколько часов декомпрессии перед подъемом.

– Приятель, их миниподлодку пытается съесть гигантский краб, – говорит Мэтт. – Ты слишком много думаешь.

– Не-а, чувак. Это абсурд. Если они хотят, чтобы я всерьез воспринимал их сюжет, то они должны соблюдать базовые законы физики. Ну сами подумайте. Где преданность сценарному делу?

Конор рядом со мной на диванчике трясет головой, явно сдерживая смех. Он такой привлекательный, что сложно сосредоточиться на чем-то, кроме его точеной челюсти и безупречно симметричного лица, точно у кинозвезды. Каждый раз, когда он на меня смотрит, мое сердце делает сальто, как счастливый дельфин, и мне приходится усилием воли сохранять видимое спокойствие.

– Мне кажется, ты немного перегибаешь, – отвечает он Фостеру.

– Все, о чем я прошу, – это немного достоверности в работе, ясно? Как можно снимать фильм про подводную базу и решить, что правила тут ни к чему? Вы вот стали бы снимать фильм про космос, где нет вакуума и все могут дышать снаружи без скафандра? Нет, потому что это охренеть как тупо.

– Сделай еще одну затяжку, – советует Гэвин с дивана и сует полную вилку еды в свой рот. – Ты ворчливый, когда

трезвый.

– Да, я так и сделаю. – Фостер затягивается кальяном, выдыхает струю дыма и снова начинает дуться, гневно поедая кино.

Он странный. Но горячий. И явно очень умный: до того, как начался фильм, мне сообщили, что Фостер учится на факультете молекулярной биофизики. Получается, он одновременно и задрот, и хоккеист, и наркоша – страннее комбинации не придумаешь.

– Вас разве не проверяют на наркотики? – спрашиваю я Конора.

– Да, но если принимать по минимуму и не часто, в анализе мочи этого видно не будет, – говорит он.

– Поверь мне, – мямлит Алек, навалившийся на подлокотник почти в бессознательном состоянии. Он заснул на диване рядом с Гэвином почти сразу после начала фильма. – Лучше не общаться с Фостером, если он не обдолбанный.

– Пошел в жопу, – рявкает Фостер в ответ.

– Может, вы, засранцы, хотя бы попытаетесь не позориться перед гостьей? – пристыжает их Конора. – Прости, с воспитанием у них не ахти.

Я ухмыляюсь.

– Мне они нравятся.

– Видишь, Кон, – отвечает Мэтт. – Мы ей нравимся.

– Да, поэтому иди на хрен, – весело говорит Гэвин.

Жаль, что жизнь в особняке Каппы не такая. Я надеялась

на настоящее сестринство, а получила первый сезон «Король крика» с собственной Шанель номер один. Не то чтобы все девочки были такими же невыносимыми, как Абигейл, но все равно с ними было сложно. Шум, постоянная суматоха. Да еще любая деталь твоей жизни тут же становится достоянием общественности.

Я единственный ребенок в семье, и какое-то время я тешила себя мыслью о том, что наличие братьев или сестер заполнило бы какие-то пробелы в моей жизни, о существовании которых я даже не знала. Но я быстро поняла, что одни люди созданы для того, чтобы делить с тобой ванную, а другие скорее бы справили нужду в лесу, чем провели еще одно утро, ожидая, пока десять других телок расчешут свои волосы.

Когда фильм заканчивается, парни собираются включить ужастик, но Конор говорит, что больше не хочет ничего смотреть, и поднимает меня с дивана.

– Пошли, – тянет он, и мое сердце делает еще пару салтов. – Поднимемся наверх.

7. Тейлор

Мы с Конором уходим к нему в комнату под свист и непристойное улюлюканье от парней. На эволюционной шкале они только в паре шагов от диких кур, но точно не скучные. Я знаю, им кажется, что мы идем наверх, чтобы заняться сексом, но у меня на уме другое.

– Раз уж мы наконец-то одни... – говорю я, когда Конор закрывает за нами дверь.

У него самая большая спальня, в которой хватает места для двуспальной кровати с каркасом из темного дерева, диванчика на другом конце комнаты и домашнего кинотеатра с еще одним огромным телевизором. Плюс у него отдельная ванная и большое окно, занимающее полстены и выходящее на небольшой задний двор, где наконец-то почти растаял снег.

– Да, детка, я в деле. – Конор стягивает галстук с воротника рубашки и бросает его через комнату.

Я закатываю глаза.

– Я не об этом.

– А ты любишь подразнить.

Я сажусь на его кровать у изголовья и выставляю одну из его подушек между нами, как сделал это он в последний раз, когда мы оказались в комнате одни. Голубое постельное белье в клетку – наверняка это матушка выбирала ему что-то

«помужественнее» в «Нейман Маркус». Оно очень мягкое и пахнет, как он сам: сандаловым деревом с солоноватой ноткой океана.

– Я хочу знать: к чему *на самом деле* был тот цирк на банкете?

– Я тебе уже говорил.

– Да, и мне кажется, что это не все. Поэтому колись.

– Может, лучше посидим тут и поцелуемся? – Он забирается на матрас рядом со мной, и внезапно кровать начинает казаться очень-очень крошечной. Она точно двуспальная? Потому что он *прямо тут*, и одна жалкая подушка не защитит меня от жара его спортивного тела и аромата лосьона после бритья.

Я старательно игнорирую его сексуальную ухмылку.

– Конор, – говорю я тем тоном, которым разговариваю с первоклассниками, когда кто-то из них не хочет делиться мелками.

Его кокетливая улыбка испаряется.

– Если я скажу, что тебе этого знать не стоит, ты поверишь мне и отстанешь?

– Нет. – Я решительно смотрю ему в глаза. – Скажи, зачем ты все это устроил тогда на банкете?

Глубоко вздыхая, он трет ладонями лицо и убирает волосы с глаз.

– Я не хочу тебя ранить, – едва слышно признается он. – Я взрослая девочка. Если ты меня уважаешь, то скажи правду.

– Черт, Ти. Прямо по больному, мать твою.

Он смотрит на меня такими мученическими глазами, что я невольно готовлюсь к худшему. Что, может быть, Абигейл его на все это подговорила, что они вместе это спланировали. Что тот первый вызов, любовная бомбардировка в Вулси-Холле... это все было лишь хитроумным планом, придуманным ради того, чтобы заставить меня на него запасть. И теперь он об этом сожалеет. Это унижительно, но Абигейл вытворяла и не такое.

– Ладно. Но не забывай: это их слова, а не мои.

Он рассказывает, как подслушал Абигейл и Джулс, говорящих со своими парнями о моем «перепихе» с Конором. Я вздрагиваю, когда он недовольным тоном объясняет, что в их беседу входило обсуждение моего потенциала как порноактрисы и другие вещи. Мило. Он прав. Я могла прожить без этих жестоких подробностей.

Еще до того, как он заканчивает говорить, меня начинает подташнивать. Желудок скручивает при мысли о том, что Конор слышал всю ту хрень, которую они обо мне говорили.

– До идеального веса порнозвезды мне еще десять килограммов, – шучу я сама над собой.

Чаще всего, если ты смеешься над собой первая, то это выбивает почву из-под ног у тех, кто хочет поиздеваться над твоей полнотой. Когда ты показываешь людям, что сама про себя все знаешь, они начинают относиться к тебе дружелюбнее. Потому что всем важно, чтобы мы – «пухляши» – знали

свое место.

– Не надо так. – Конор садится, чтобы наши глаза были ровень. – В твоей внешности нет ничего постыдного.

– Все в порядке. Не обязательно меня утешать. У меня нет никаких иллюзий по поводу того, какой меня видят люди. – На меня постоянно сыплются насмешки, но я уже почти ничего не чувствую. По крайней мере, так я себе твержу. – Я была пухлым ребенком. Я была пухлым подростком. – Я пожимаю плечами. – Я боролась со своим весом всю жизнь. Но я такая, какая есть – и я это приняла.

– Нет, ты не понимаешь, Тейлор. – По его лицу пробегает тень негодования. – Тебе не надо оправдываться за свое тело. Я знаю, что уже это говорил, и, наверное, так и буду повторяться, пока ты мне не поверишь, но ты просто сногсшибательная. Я бы отымел тебя прямо сейчас, ни секунды не теряя, шестью разными способами, если бы ты мне позволила.

– Захлопни варежку. – Я смеюсь.

Он не смеется со мной, а встает с кровати и поворачивается ко мне спиной.

Вот блин. Он обиделся из-за того, что я велела ему заткнуться? Я думала, мы просто дурачились. Это же наша фишка, да? Стоп. Разве мы настолько хорошо друг друга знаем, что у нас есть фишки? *Черт.*

– Кон...

До того как я успеваю все исправить, Конор начинает расстегивать свою рубашку, а потом сбрасывает ее с плеч.

Я ошеломленно сижу и люблю его спиной. Рельефные, накачанные мускулы под загорелой кожей. Боже, как же хочется прикинуть губами к полоске кожи меж лопаток и исследовать ее языком. От мысли об этом по мне пробегает дрожь. Я закусываю губу, чтобы не начать издавать совершенно непристойные звуки.

Он бросает рубашку на пол и расстегивает брюки. Они падают на паркет, и он остается в одних черных носках и боксерах, обтягивающих самую тугую задницу, какую я только видела в жизни.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я предательски хриплым голосом.

– Снимай свою одежду. – Он поворачивается и шагает к кровати с неумолимой решимостью.

– Что, прости? – Я быстро отодвигаюсь на коленях к дальнему краю матраса.

– Раздевайся, – требует Конор.

– Я не буду этого делать.

– Слушай, Тейлор. Мы разберемся с этим, и никаких споров больше не будет.

– Разберемся с чем?

– Я вытрахаю тебе мозги и докажу, что мой член от тебя без ума.

Что, прости?

Даже когда я смотрю на него, мой взгляд невольно падает на его пах. Я не могу понять, выпуклость под тянущейся

черной тканью – это стояк или просто его обычное состояние. В любом случае, заявление Конора такое нелепое, что оно вызывает у меня громкий истерический смешок. Потом еще один.

И еще.

Вскоре я начинаю задыхаться и сгибаюсь пополам в болезненной припадке. Я просто не могу остановиться. Каждый раз, когда я смотрю на его лицо, меня накрывает новая волна смеха и из глаз текут слезы. Это выше моих сил.

– Тейлор. – Конор взъерошивает свои волосы. – Тейлор, перестань надо мной смеяться.

– Я не могу!

– Ты наносишь непоправимый вред моему эго.

Я делаю глубокие вдохи. Наконец смех переходит в хихиканье.

– Спасибо, – удается выдать мне. – Мне это помогло.

– Знаешь что? – рычит он с раздраженным лицом. – Я забираю свои слова назад. Ты чертов криптонит ⁹ для члена.

– О-о. Иди сюда. – Я забираюсь обратно на кровать и хлопаю по месту рядом.

Вместо того чтобы вести себя как нормальный человек, он берет инициативу на себя и укладывает голову и плечи мне на колени.

От меня не ускользает, что на мне лежит сексуальный мужчина в боксерах. И сложно сосредоточиться, когда он

⁹ Вещество, которое может лишить сил Супермена.

выглядит так... ну, вот *так*. Я не впервые вижу Конора полуголым, и все же повторный эффект не менее впечатляющий. Он – это то, что парни представляют в зеркале, когда поднимают гири и позируют для селфи в спортзале. Каждый придурок в майке думает, что он Конор, мать его, Эдвардс.

– Поверить не могу, что ты не разделась, – с укором говорит он.

– Прости. Это очень милое предложение, но при всем уважении я отказываюсь.

– Что ж, ты у меня первая.

Конор смотрит на меня своими прекрасными серыми глазами, и на мимолетное мгновение у меня в голове возникает картинка. Я наклоняюсь. Он накрывает ладонью мою щеку. Наши губы встречаются...

Не целуй его, Тейлор!

Срабатывает моя внутренняя сигнализация, заставляя мою глупую школьную фантазию о поцелуях раствориться так же быстро, как она появилась.

– В чем я у тебя первая? – спрашиваю я, пытаюсь вспомнить, о чем мы говорили. Конор Эдвардс *у меня на коленях*, и это правда очень отвлекает.

– Первая девушка, которая отвергла мой член.

– И не в первый раз, – напоминаю я ему.

– Да, спасибо, Тейлор. Ты не хочешь со мной переспать. Я понимаю. – Конор приподнимает бровь. – Жалко, конечно.

Пальцы так и тянутся к его волосам. Хочется провести

ими по мягким прядям. Прикоснуться. Ладонь так и чешется – мне не терпится исполнить это желание.

– Что «жалко»?

– Не останавливайся. – Только когда он заговаривает, я понимаю, что мои пальцы стали действовать сами по себе. – Это очень приятно.

Поэтому я продолжаю расчесывать пальцами его волосы. Мягко водить ногтями по коже.

– Что тебе жалко?

– Ну, мы уже заложили такой прекрасный фундамент. Провели вместе ночь, полную умопомрачительного секса. Все думают, что ты влюбила меня своей киской. Будет грустно, если мы никак этим не воспользуемся.

Я с подозрением смотрю на него.

– Что ты предлагаешь?

– Давай этому подыграем.

– Подыграем. – Я прокручиваю эту мысль в голове забавы ради. Конечно, это ужасно подлое и ребяческое предложение. Неудивительно, что я заинтригована. – До каких пор?

– До брака, смерти или выпуска, – отвечает он. – Смотря что наступит первым.

– Ясно. Но зачем? С какой целью?

– Чтобы скучно не было. – Он мне усмехается. – Мне нравятся игры, Ти. А эта обещает быть интересной.

– Ага. А вдруг появится идеальный мужчина, сразит меня наповал, а потом испугается Конора, мать его, Эдвардса,

вующегося вокруг моей юбки?

– Во-первых, да, продолжай меня так называть. Во-вторых, если он боится конкуренции, то никакой он не идеал. Поверь мне, детка.

Каждый раз, как он называет меня «детка», мою грудь пронзает электрическим ударом. Интересно, он чувствует, как у меня подскакивает пульс? Или, может быть, он слишком хорошо знает, что действует так на каждую девушку, и я всего лишь кукла с конвейера. Лот 251 из одного миллиарда. Заведи меня, и я буду бегать.

– Ладно. А как же твои поклонницы? – возражаю я. – Вдруг Натали из Три-Дельты захочет повторить, а у тебя фальшивая девушка?

Он пожимает плечами.

– А мне она больше не интересна.

– Чушь собачья. Ты видел ее волосы? Они такие блестящие.

В ответ я слышу хихиканье.

– Блестящие волосы не в счет, я серьезно. Она запостила фотку со мной голым у нее в кровати, пока я спал. Я против такого. Все должно быть по согласию, понимаешь?

– Чушь собачья, – опять говорю я. – Посмотри на себя. – Обеими руками я показываю на его полуголую фигуру из Playgirl. – Ты наверняка любишь выставлять напоказ тело перед камерой.

– Но только по договоренности, – повторяет он, и его при-

стальной взгляд говорит мне, что он и впрямь был *совсем* не в восторге от поступка Натали.

Винить его я не могу. Мне до сих пор снятся кошмары про неделю вступления в Каппу и все позорное дерьмо, которое засняли старшекурсники.

– В общем, – продолжает он, – может, мне нужен перерыв от этого круговорота секса. Время, чтобы перестроиться.

Я толкаю его в плечо.

– *Круговорота секса?* О боже. Обязательно быть таким мерзким?

Он опять самодовольно ухмыляется.

– На самом деле ты вовсе не считаешь меня мерзким. Иначе не дала бы мне «угнездиться» на своих коленях.

Я сглатываю – в горле пересохло.

– «Угнездиться» – это совсем другое, – решительно возражаю я.

– А вот и нет, Ти.

– А вот и да, Кони, – дразню я. – И что, ты хочешь сказать, что станешь в обозримом будущем воздерживаться от секса? Я в это не верю.

Конор выглядит ошеломленным.

– Воздерживаться? Нет, черт возьми. Я буду на каждом шагу пытаться тебя соблазнить.

Из моего рта вылетает смешок.

– Ты не исправим.

– Почему ты перестала перебирать мои волосы? Было

приятно. – Он облизывает языком нижнюю губу – очаровательное движение, от которого у меня учащается пульс. – Так что ты скажешь? Попритворяемся еще немного?

– Мне нравится эта идея, но только потому, что я сегодня многовато выпила, – отвечаю я.

– Это было несколько часов назад. Ты не пьяна. К тому же не говори, что от взгляда Абигейл каждый раз, когда она видела нас вместе, у тебя не начиналась чесотка.

– Во-первых, никогда больше так не говори. Во-вторых... – Я хочу сказать ему, что он не прав. Что я выше таких мелочных забав. И все же... толика правды в его рассуждениях о взгляде Абигейл есть. – Ну, может быть, мне это немного понравилось, – признаюсь я.

– Ха! Я знал. Тебе нравится эта игра так же, как и мне.

– Совсем *чуть-чуть*, – подчеркиваю я.

– Лжешь.

Когда он резко садится, я чувствую опустошение, которое ощущать не вправе. Но ничего не могу с собой поделать: я тоскую по тяжести его теплого тела и мягкости его светлых волос.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я, когда он вскакивает с кровати и берется за свои сброшенные брюки.

Он возвращается со своим телефоном и плюхается рядом со мной. Его большой палец скользит по экрану, пока он... ну, я не знаю точно, что он делает. Я любопытная, поэтому наклоняюсь ближе и обнаруживаю, что он открыл «Мой-

Брайар», местную соцсеть.

Мои глаза расширяются, когда я смотрю, как он меняет свой статус на «в отношениях».

– Эй, – возмущаюсь я, – я же не согласилась.

– По сути ты согласилась.

– Процентом на семьдесят максимум.

– Ну, можешь и дальше упираться по поводу оставшихся тридцати, но нас это уже не остановит, детка.

О боже. Маленький пузырек над иконкой уведомлений начинает моргать. Десять, двадцать, сорок.

– Ну же, – уговаривает он. – Мне скучно. А так все же будет повеселее. В лучшем случае ты сдашься под напором моей красоты и пыла и рухнешь со мной в постель.

– Ой, размечтался.

– Я и правда мечтаю. Но ладно, во втором случае Абигейл может ненадолго от тебя отстать. Это чего-то да стоит, так?

Это на самом деле было бы здорово. Тем более что завтра встреча отделения Каппы и я точно знаю, что Абигейл будет обсыпать меня своими пассивно-агрессивными подколами.

– Ты же сама знаешь, что этого хочешь... – Он заманчиво машет в воздухе телефоном.

Мое внимание привлекает толстая серебряная полоска вокруг его среднего пальца.

– Классное кольцо. Откуда оно у тебя?

– Из Лос-Анджелеса. И ты уходишь от темы. – Он протягивает мне телефон. – Я бросаю тебе вызов.

– Ты невероятно настойчивый.

– Некоторые сочли бы это одним из моих лучших качеств.

– И совершенно несносный.

Конор сверкает своей самоуверенной ухмылкой, которая дает понять, что «несносный» – это женское кодовое слово – синоним для «очаровательный», который она использует, когда вот-вот сдастся.

– Тейлор Марш, окажешь ли ты мне невероятную честь, обновив свой статус и став моей фальшивой девушкой? И она сдастся. Словно одержимая сверхъестественной силой, моя рука берет у него телефон. Мои пальцы выходят из его аккаунта и входят в мой. И когда я меняю свой статус на такой же, как у него, я смутно осознаю две вещи.

Первое – я могла воспользоваться своим телефоном, но это бы испортило момент.

И второе – чем бы это ни было, оно обязательно выйдет из-под контроля.

8. Тейлор

Меньше чем через сутки после того, как мы с Конором сделали свой статус «официальным», все члены Каппы собираются в особняке во главе с председательницей нашего отделения. Первыми в повестке дня стоят грядущие весенние выборы председательницы и вице-председательницы на следующий год. Естественно, поскольку Шарлотта учится на последнем курсе, Абигейл как ее заместитель – ее явная преемница. Придушите меня полотенцем.

– Чтобы исключить возможное вмешательство с моей стороны или со стороны вице-председательницы, – говорит Шарлотта, – избирательной комиссией будет руководить Фиона вместе с Уиллоу и Мэдисон. Они проведут программный ужин и будут координировать комитет по подсчету голосов. Если кто-то хочет помочь, то поговорите с ними после встречи.

Правда состоит в том, что выборы – это не больше, чем формальность. Каждый год четверокурсница выбирает себе в заместительницы третьекурсницу, и та потом избирается на следующий год. Делать вид, будто мы не живем в династической системе, – позор, честное слово. У Дани, которая будет противницей Абигейл и единственным несогласным голосом, нет никаких шансов. Но мой голос она получит.

– Фи? – зовет Шарлотта.

Встает высокая рыженькая.

– Да, хорошо. Итак, Абигейл и Дани выступают со своими финальными речами на программном ужине. Формат будет...

Мой телефон вибрирует на бедре, отвлекая меня от Фионы. Я опускаю взгляд и прячу улыбку, когда читаю сообщение Конора.

ОН: *Как сегодня дела у моей сексуальной детки?*

Я тайком печатаю ответ, чувствуя на себе понимающий взгляд Саши. Она сидит на стуле рядом со мной и без сомнений пытается прочитать, что я пишу.

Я: *Сижу на встрече отделения. Убей меня сейчас же.*

ОН: *Убить тебя?! Но как мы тогда потрахаемся?*

Я сдерживаю смешок и отвечаю закатывающим глаза эмодзи.

Он повышает ставки, отправляя фотографию своего прессы, и я пытаюсь не залить слюнями весь стол в столовой.

– Не поделишься с остальным классом, Тей-Тей? – слышится надменный голос Абигейл.

Я вскидываю голову.

– Простите, – выпаливаю я, кладя телефон на стол. Я извиняющимся взглядом смотрю на Фиону и потом на Шар-

лотту. – Просто мне кое-кто написал, а я ответила, что нахожусь на встрече.

– *Кое-кто?* – хохочет Саша. – Имя этого кое-кого начинается на «К» и кончается на «онор»?

Я поворачиваюсь и пристально на нее смотрю.

Но замечание Абигейл уже заинтересовало нашу председательницу.

– Конор? – повторяет она. – Конор Эдвардс?

Я едва киваю.

– Моя девочка Тейлор заполучила себе хоккейного бога, – хвастается моя лучшая подруга, и я разрываюсь между тем, чтобы шлепнуть ее за то, что она затащила меня в самый центр внимания, и поблагодарить за то, что меня разрекламировала. Саша Леннокс – лучшая раздувательница хайпа на свете. А еще она прекрасно знает, что смена статусов в «МойБрайар» – ничего не значит, поэтому теперь я молюсь, чтобы она не прокололась и случайно не раскрыла правду.

– Ни черта себе, – говорит Шарлотта, явно впечатленная новостями. – Так держать, Марш.

– Они переспали в моей комнате, – хвастается Рейчел, как будто это означает, что она в одном шаге от того, чтобы самой стать девушкой Конора.

– О, черт побери, – заговаривает Абигейл с ледяными, бледно-зелеными глазами. – Кто *не* побывал в постели с этим парнем? Я серьезно. Поднимите руки те, кто переспал с Конором Эдвардсом.

Помедлив несколько секунд, в воздух взмывает несколько рук. Смущенная Уиллоу, Тарин на другой стороне стола и краснеющая Лаура, стоящая у стены.

Что ж. Парень тут известен.

Я сглатываю крошечный комок ревности, подкативший было к горлу, и напоминаю себе, что я уже и так знала, что он бабник. К тому же он взрослый мужчина. Ему можно спать с кем угодно, включая моих сестер.

Почувствовав мой дискомфорт, Саша поворачивается к Абигейл, пригвождая платиновую блондинку к месту таким же ледяным взглядом.

– Ты о чем, Абс? Принижаешь ценность Тейлор из-за того, что у ее мужчины есть прошлое? Как будто это что-то значит. Хотя – поднимите руки, – передразнивает Саша, – те, кто спал с кем-то из придурков-бывших Абигейл?

К моему великому удовольствию, рук взлетает в два раза больше. И правда: шесть Капп, и на этот раз никто из них не выглядит ни капли смущенным. Подозреваю, они получают какое-то извращенное удовольствие от такого признания, потому что Абигейл – та еще тварь.

Верный лакей Абигейл Джулс мрачно хмурится.

– Тут кто-то слышал о женской солидарности?

Саша хихикает.

– Кто бы говорил, Джулиана. Разве не ты только что увела Дьюка Джарретта у какой-то телки из Теты Беты Ну?

Джулс уязвленно замолкает.

Шарлотта прочищает горло.

– Ладно, мы отклонились от темы. Фиона, ты говорила про речи кандидаток.

Как только Фиона открывает рот, у меня опять вибрирует телефон, вызывая взволнованный визг у Рейчел, которая чуть ли не всем телом наваливается на стол, чтобы посмотреть на экран.

– Он звонит тебе по фейстайму!

Мое сердце вновь делает сальто.

– Прости, – говорю я Шарлотте. – Я не буду отвечать...

– *Не будешь?* – в недоумении повторяет Шарлотта. – Черт возьми, Марш, ответь.

О боже. Это мой худший кошмар. С какой стати этот тупица вообще мне звонит, если я *только что* написала ему, что сижу на встрече? Зачем мой фальшивый парень такое вытворяет со...

– Ответь! – визжит Лиза Дональдсон.

Я почти уверена, что это первый раз, когда Лиза Дональдсон со мной заговорила.

С колотящимся сердцем я нажимаю кнопку «принять». Секунду спустя устанавливается соединение, и на экране появляется прекрасное лицо Конора.

– Детка, привет.

Его глубокий голос заполняет столовую Каппы Хи, и я замечаю, как *трясет* нескольких сестер.

– Прости, я знаю, что ты на встрече, но я просто хотел

сказать тебе... – Он замолкает посреди предложения, с удовлетворением сузив серые глаза. – Мммм, черт, Ты, ты выглядишь так аппетитно, что тебя хочется съесть.

Не уверена, что человек в принципе может краснеть сильнее, чем я краснею сейчас. Я завожу прядь волос за ухо и ворчу в экран:

– Серьезно? Для *этого* ты прервал мою встречу?

– Нет, не для этого.

Он ухмыляется, как маленький мальчик, и все, кому хорошо виден мой телефон, вздыхают и едва ли не в обмороки падают, как чопорные викторианские служанки.

– Тогда для чего?

Конор подмигивает.

– Просто хотел сказать тебе, что соскучился.

– О боже, – выдыхает Рейчел.

Черт. Кое-кто немного перебарщивает. Не успеваю я ему ответить, как телефон выхватывают из его руки и меня приветствует новое лицо.

– Тейлор! – счастливо восклицает Мэтт Андерсон. – Эй, когда ты опять к нам придешь? Фостер нашел новый фильм.

– Там есть черные дыры и гигантские кальмары! – слышится издалека крик Фостера.

– Скоро, Мэтти, – обещаю я и молюсь о том, чтобы он никак не прокомментировал то, что я назвала его «Мэтти». Но, черт, если Конору можно перебарщивать, то и мне тоже. – В общем, я кладу трубку. Я занята.

Я отключаюсь, кладу телефон и вижу, как все присутствующие уставились на меня с округлившимися глазами и неприкрытой завистью на лицах. Даже Саша, похоже, под впечатлением, а она ведь в курсе розыгрыша.

– *Пожалуйста*, простите, – неловко говорю я. – Я прослежу, чтобы он больше никогда не прерывал встречу.

– Все хорошо, – заверяет меня Шарлотта. – Все мы знаем, что этим хоккеистам сложно отказать. Поверь мне, мы в курсе.

Остаток встречи проходит без заминок, хотя мне трудно игнорировать убийственные взгляды со стороны Абигейл и Джулс. В итоге Шарлотта отпускает нас, хлопнув своими маникюренными руками, и, отодвинув стульями, все расходятся. Я наталкиваюсь на кого-то в давке и тут же отхожу, когда понимаю, что это Ребекка Локк.

– Ой, прости, – говорю я миниатюрной девушке. – Не увидела тебя.

– Все нормально, – отвечает она напряженным голосом и устремляется прочь, не сказав больше ни слова.

Смотря на то, как она спешит вверх, я вздыхаю и спрашиваю себя, станут ли когда-нибудь наши взаимоотношения менее неловкими. Меня заставили поцеловать ее во время недели вступления, и стоит ли говорить, что для нас обеих это было просто унижительно. С тех пор мы разговаривали только несколько раз и никогда не оказывались наедине в одной комнате.

– Не хочешь пообедать? – Саша берет меня за руку, когда мы направляемся к выходу.

– Конечно, – отвечаю я.

– Тейлор, стой! – кричит кто-то прежде, чем мы успеваем выйти на улицу.

Я оглядываюсь через плечо. Лиза Дональдсон и Оливия Линг плавно движутся к нам.

– Что такое? – вежливо говорю я.

– Ты же живешь в Гастингсе, да? – Лиза проводит рукой по своей блестящей копне волос.

– Да, а что? – спрашиваю я, а услышав ответ, пытаюсь скрыть свой шок, пока две телки, которые никогда и взглядом меня не удостаивали, объясняют мне, что приезжают в Гастингс один-два раза в неделю в салон красоты и *с радостью* перекусили бы со мной, если я свободна во вторник вечером.

– И ты тоже, Саша, – приглашает Оливия, и это звучит искренне. – Обычно Бет и Робин со своими парнями встречаются нас в кафе. Приятно иногда покидать кампус и сменять обстановку, понимаешь?

– А еще приятнее жить за пределами кампуса, – с усмешкой говорю я.

– Еще бы, – бормочет Лиза. Она бросает взгляд в сторону Абигейл, которая яростно шепчется с Джулс в дальнем углу гостиной. Интересно. Может, голосовать за Дани хочу не только я.

Договорившись с девочками встретиться во вторник, мы с Сашей выходим из особняка. На улице я вдыхаю весенний воздух и медленно выдыхаю.

– Конор, мать его, Эдвардс, – бормочу я.

Саша тихо смеется.

– Чувак хорош, надо отдать ему должное.

– Слишком хорош. Он даже *меня* убедил, что соскучился, а я знаю, что это неправда. – Черт, каждая Каппа в той комнате пускала по нему слюни. Один звонок от него – и внезапно они приглашают меня на *ужин*.

Конор говорил мне, как сильно любит игры, – что ж, этот день доказал, что он еще и прекрасно умеет в них играть. Проблема в том, что я в играх полный ноль. Я всегда проигрываю. И чем дольше продолжается эта глупая затея с Конором, тем выше вероятность, что я еще горько обо всем этом пожалею.

9. Конор

Во вторник утром на льду царит зловещее спокойствие, пока наша команда проходит через муштру. Никто за эти два часа не говорит почти ни слова; на пустом стадионе отдаются эхом только скрип коньков по льду и свисток тренера.

Вчера была объявлена турнирная сетка. В эти выходные мы столкнемся с Миннесотой-Дулутом в Буффало, штат Нью-Йорк. Никто не хочет в этом признаться, но мне кажется, что будущий матч всех немного напугал. Нервы сдают, и мы все на пределе и сосредоточены на индивидуальных задачах.

Хантер каждый день задерживается на льду допоздна – еще с тех пор, как мы прошли плей-оффы. Он жаждет победы. По-моему, он считает ее показателем своего успеха как капитана, как будто это только его задача – победить для нас, и если он этого не сделает, то это будет его личным провалом. Боже, я бы никогда так не смог. Обычно я стараюсь уменьшить чужие ожидания и не брать ответственность ни за кого, кроме себя.

После тренировки мы валим в душ. Я стою под струями горячей воды, подставив под них ноющие плечи. Как бы не угрохал меня этот турнир. Моя старая команда в Лос-Анджелесе была так себе, поэтому нам никогда не приходилось переживать за сезон после плей-оффа. То, что мы продержатся

лись так долго при таком уровне конкуренции, моему телу совсем не на пользу. Синяки, боли в ребрах, уставшие мышцы. Я понятия не имею, как профессионалы это выдерживают. Если я смогу вообще встать на коньки в следующем сезоне, это уже будет чудом. Много кто из парней раздумывает о том, чтобы пойти в профессиональный спорт. Впрочем, реальные шансы есть меньше чем у половины. Лично я никогда не питал никаких иллюзий, что подойду для НХЛ. И никогда этого не хотел. Хоккей всегда был просто моим хобби, которое, к тому же, ограждало меня от неприятностей. Безделья и всякого такого. Скоро этот этап моей жизни закончится.

Проблема в том, что я понятия не имею, что будет дальше.

– Эй, капитан, предлагаю открыть заседание Расследования Статуса Отношений! – перекрикивает Баки шум душа.

– Поддерживаю ходатайство, – отвечает Джесс.

– Ходатайство удовлетворено. – Хантер стоит в кабинке рядом со мной. Я чувствую, как он уставился мне в лицо. – Заседание Расследования Статуса Отношений открыто. Баки, вызывайте первого свидетеля.

– Вызываю для дачи показаний Джо Фостера.

– Я здесь, ваша честь! – булькает Фостер под струями своего душа в противоположном конце комнаты.

– О, черт возьми, как же я вас ненавижу, – говорю я, обвязывая бедра полотенцем.

– Правда ли это, мистер Фостер, что Конор Эдвардс пуб-

лично и позорно упал на колени, чтобы признаться в любви к Девушке из Каппы, после того как он переспал с Натали из инстаграма?

– Стой, что? – недоуменно спрашивает Фостер. – А, ты про банкет. Да. Это было охренеть как мерзко.

– И впоследствии, тем же вечером, он привел Девушку из Каппы домой?

– Ого, Баки, я не знал, что ты умеешь использовать слова из четырех слогов, – язвит Гэвин, пока они выходят из душевой.

Я направляюсь к своему шкафчику, чтобы одеться, а парни не отстают.

– Да, они долго пробыли в его спальне. Вдвоем. – В один прекрасный день Фостер обнаружит свою машину доверху забитой фаллоимитаторами.

– И на днях они созванивались по фейстайму, – вставляет Мэтт с широкой глупой ухмылкой на лице. – *Он позвонил ей.*

По комнате разносятся притворные вздохи.

Похоже, Мэтту тоже впору ждать горстку фаллоимитаторов.

– А ну пасти захлопните, – рявкаю я.

– Если мне не изменяет память, – говорит Хантер, – ты вмешивался в дела моего члена. Пришло время платить по счетам.

– Мне хотя бы не надо дожидаться, когда ты начнешь сосаться с моей девушкой, чтобы ее трахнуть.

– Упс, – смеется Баки. – Тут он тебя подловил, кэп.

– То есть это правда? – спрашивает Хантер, равнодушный к моему подколу по поводу его тупого обета целомудрия. – Ты и...

– Тейлор. И типа да.

– Типа?

Нет, технически это неправда. И врать парням отстойно.

Но при этом почему это *неправда*? Я же не буду спать или встречаться с другими девушками, потому что это будет неуважение к Тейлор, а заодно и к этим потенциальным девушкам. Она ничего особенного вслух не говорила, но подозреваю, что у нее на этот счет такое же мнение. Ставлю мысленную галочку напротив пункта «моногамия».

И хорошо, да, мы не трахаемся, не целуемся и совсем друг друга не трогаем, но это не значит, что я против этого. Мне кажется, если бы я смог заставить Тейлор увидеть себя такой, какой вижу ее я, заставить ее оценивать свое тело так же высоко, как я – *че-е-ерт*, а я просто без ума от него, – то тогда, может быть, она немного расслабится и будет не прочь трахаться, целоваться и ласкать друг друга. Так что и напротив пункта «влечение» можно смело ставить галочку.

Правда в том, что с Тейлор прикольно тусоваться и мне нравится с ней говорить. Она непритязательная и забавная. Самое главное, она ничего от меня не ждет. Мне не надо соответствовать каким-то выдуманному идеалам или безумным ожиданиям, чтобы в итоге разочаровать нас обоих. И она ме-

ня не осуждает: за все время я ни разу не почувствовал себя так, словно она смотрит на меня свысока или ей стыдно за мои решения или репутацию. Мне нужно, чтобы она не восхищалась мной во всем, что я делаю, а принимала, и у меня есть ощущение, что я ей нравлюсь таким, какой я есть.

В худшем случае у меня после всего этого останется хороший друг. В лучшем – я вытрахаю ей мозги. Беспроигрышный вариант.

– Что есть, то есть, – говорю я, натягивая худи. – Нам вместе весело.

К счастью, парни от меня отстают по большей части из-за того, что внимания у них как у дрозофил. Хантер уже пишет Деми по пути к двери, а Мэтт и Фостер начинают обсуждать фильм с кальмаром, который мы все смотрели на днях.

Когда я иду к выходу, у меня звонит телефон. «МАМА» – высвечивается на экране.

– Иди, – говорю я Мэтту. – Сейчас догоню. – Пока мой товарищ по команде направляется к парковке, я замедляю шаг и отвечаю на звонок. – Привет, мам.

– Привет, мистер, – говорит мама. Сколько бы лет мне ни было, в ее глазах мне будто бы до сих пор пять. – Давно от тебя ничего не слышно. Все ли благополучно в тундре?

Я хмыкаю.

– Сегодня даже светит солнце, представляешь. – Я не упоминаю, что на термометре только десять градусов – и это под конец марта, черт бы его побрал. Красотка-весна в Новую

Англию не торопится.

– Ну и славно. Я боялась, что твоя первая зима на восточном побережье закончится дефицитом витамина Д.

– Не-а. Все хорошо. А ты как? Что там с пожарами? – Последние несколько недель лесные пожары сеют хаос на западном побережье. Я весь на нервах от мысли о том, что мама там дышит всем этим дерьмом.

– Ох, ну, сам понимаешь. Последнюю пару недель стараюсь не поднимать жалюзи и заклеиваю двери и окна, чтобы не просачивался дым. Купила четыре новых очистителя воздуха, которые должны всасывать все, что крупнее атома. Но, мне кажется, они сушат кожу. Хотя, возможно, это все из-за низкой влажности. В любом случае, как сообщают, пожары рядом с нами уже потушены, поэтому дым практически рассеялся. Что хорошо, потому что я только начала ходить по утрам на пляж – заниматься йогой.

– Йогой, мам?

– О боже, сама знаю. – Она смеется над собой. Я и не думал, что так соскучился по этому заразительному звуку. – Но партнер Кристиана Ричи – помнишь Кристиана, он живет напротив нас? – начал проводить эти самые занятия. Он пригласил меня, а я не знала, как отказать, поэтому...

– Поэтому ты теперь йога-леди.

– Вот именно, кто бы мог подумать?

Уж точно не я. Раньше мама проводила шестьдесят – семьдесят часов на ногах в салоне, а потом приходила до-

мой, чтобы гоняться за мной по всему району. Если бы кто-то пригласил ее тогда на йогу, она бы, наверное, так и придушила беднягу в ответ. Превращение из работающей матери-одиночки из Лос-Анджелеса в домохозяйку с мужем из компании Гудзонова залива было для нее непростым. Она потратила уйму сил, пытаясь привыкнуть к определенному восприятию себя и обижаясь на собственные несовершенства, пока не поняла, как перестать париться.

Люди, которые говорят, что за деньги счастья не купишь, не умеют правильно ими пользоваться. Но слушайте, если мама достигла уровня, когда она видит радость в том, чтобы вставать на рассвете ради какой-то ерунды, то я за нее счастлив.

– Я велела Максу вмешаться, если он вдруг увидит в выписке с кредитки заказы с «Гуп»¹⁰.

– Как Макс? – Не то чтобы мне было до этого дело, но маме приятно, когда я притворяюсь, будто мне не пофиг.

В свою защиту скажу: уверен, что отчим спрашивает ее обо мне по той же причине – только чтобы заработать очки. Макс терпит меня, потому что любит мою маму, но он никогда не пытался узнать меня получше. Чувак держался на расстоянии с первого дня. Подозреваю, что он был рад, когда я сказал им, что хочу перевестись в университет на восточном побережье. Он был так счастлив от меня избавить-

¹⁰ Goor – интернет-магазин товаров для здоровья, основанный Гвинет Пэлтроу.

ся, что дернул за все возможные ниточки, чтобы меня взяли в Брайар.

А я был не меньше рад уехать. Так часто бывает, что чувство вины до того изводит тебя, что ты уже на все готов, лишь бы спрятаться.

– У него все замечательно. Уехал сейчас из города по работе, но вернется утром в пятницу. Поэтому мы оба будем мысленно тебя поддерживать вечером. Игру случайно не покажут по телевизору?

– Вряд ли, – отвечаю я, приближаясь к парковке. – Если мы пройдем в финальный турнир, то уже точно покажут. Ладно, мам, мне надо идти. Я только после тренировки, надо ехать домой.

– Хорошо, милый. Напиши или позвони перед поездкой в Буффало.

– Обязательно.

Мы прощаемся, и я отключаюсь и иду к потрепанному черному джипу, которым пользуюсь вместе с Мэттом. Технически машина моя, но он скидывается на бензин и платит за замену масла, а это значит, что мне не приходится трогать счет, который Макс пополняет для меня каждый месяц. Зависеть от отчима ужасно, но на данный момент у меня нет выбора.

– Все в порядке? – спрашивает Мэтт, когда я прыгаю на пассажирское сиденье.

– Да, прости. Говорил с мамой.

Он выглядит разочарованным.

– Что? – Я прищуриваюсь.

– Я надеялся, что ты скажешь, что это твоя новая девушка, и тогда я смогу еще немного над тобой поиздеваться. Но мамы – табу.

Я хихикаю.

– С каких это пор? Ты почти каждый день дразнишь Баки перепихом с его матерью.

Хотя, к слову о моей «новой девушке», я ничего от нее не слышал с прошлого вечера, когда она мне ответила «ЛЮЛ» на прикольное видео, которое я ей отправил. *Просто* «ЛЮЛ». На видео с чихуахуа на серфе! Какого черта?

Пока Мэтт выезжает с парковки, я шлю Тейлор короткое сообщение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.